

**Ученые Хакасского государственного университета
им. Н.Ф. Катанова**

Котожеков

Гавриил Гаврилович

Биобиблиографический справочник

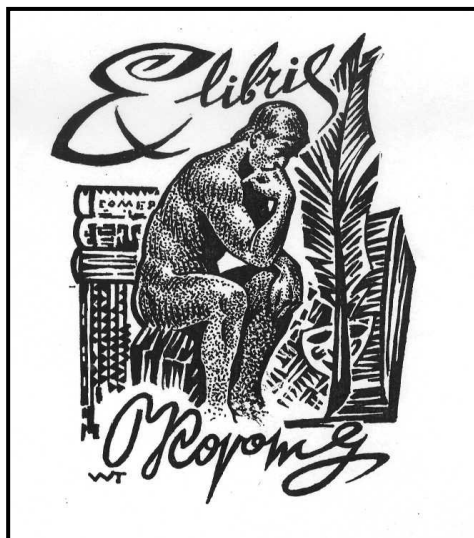

Абакан
2012

Федеральное агентство по образованию
ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»
Научная библиотека

**Котожеков
Гавриил Гаврилович**

(К 70-летию юбилею)

Абакан, 2012

УДК 016:130.2
ББК 91.9:87.3(2)6
К73

*Печатается по рекомендации Методического совета
и по решению Редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»*

К73 Котожеков Гавриил Гаврилович (К 70-летнему юбилею): биобиблиографический справочник / сост. М. И. Ивандаева (Конгарова). – Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2012. – 76 с. Илл.

Биобиблиографический справочник посвящен научной и общественной деятельности доктора философских наук, профессора, члена Академии социальных наук СО РАН, заслуженного деятеля науки Республики Хакасия Котожекова Гавриила Гавриловича.

Справочник состоит из биографических данных, полного библиографического списка и вспомогательных указателей.

Издание содержит научную работу Г.Г. Котожекова «Этническая стратификация и национальная культура».

© ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет
им. Н.Ф.Катанова», 2012

© Ивандаева (Конгарова) М.И., составитель, 2012

Содержание

От составителя.....	4
Журналист, актер, профессор.....	6
Библиография Г. Г. Котожекова	
Региональные программы развития культуры в Хакасии..	11
Монографии, диссертации, авторефераты диссертаций....	11
Учебные пособия, словарь-справочник.....	12
Научные статьи, сообщения, тезисы.....	13
Статьи в газетах.....	18
Драматургия.....	20
Редактирование, рецензирование и консультирование.....	20
Публикации о Г. Г. Котожекове.....	22
Вспомогательные указатели	
Именной указатель.....	25
Именной указатель соавторов.....	26
Предметный указатель.....	27
Фотодокументы	
Г. Г. Котожеков. Этническая стратификация и национальная культура.....	29

От составителя

Биобиблиографический справочник посвящен 70-летию юбилею доктора философских наук, профессора, члена Академии социальных наук СО РАН, заслуженного деятеля наук Республики Хакасия Гавриила Гавриловича Котожекова.

Справочник включает: биографический очерк, перечень научных, научно-методических работ, публикаций в сборниках, периодических изданиях за период с 1978–1998 год и текст научной работы Г. Г. Котожекова «Этническая стратификация и национальная культура».

Справочник печатных работ Г. Г. Котожекова расположен в хронологическом порядке по годам издания научных работ. Внутри каждого отдельного года материал расположен в алфавитном порядке.

В структуру справочника входят вспомогательные указатели: именной, указатель соавторов и предметный.

Справочник составлен на основе списка научных, научно-методических трудов, материалов библиотеки ХГУ им. Н. Ф. Катанова, библиотеки ХакНИИЯЛИ (библиотекарь – Н. П. Намсараева) и документов из личного архива Валентины Филипповны Котожековой.

В биобиблиографическом справочнике использованы материалы выставки «Портрет ученого», посвященной 60-летию со дня рождения Г. Г. Котожекова, прошедшей в читальном зале для научной работы Научной библиотеки ХГУ им. Н. Ф. Катанова 17 июня 2002 года. Материалы выставки не оставили равнодушными ее посетителей.

«Выставка «Портрет ученого» весьма содержательна, хорошо передан жизненный путь и творчество Г. Г. Котожекова. Спасибо». – С. П. Ултургашев, директор ИСАТ, ХГУ им. Н. Ф. Катанова.

«Замечательно, когда вуз не просто помнит «своих героев», но делает это интеллигентно, собирая широкий круг

людей. Атмосфера дружеской беседы о яркой личности, воспоминания о Гаврииле Гавриловиче были для меня лично важным откровением». – И. П. Амзаракова, профессор каф. немецкого языка.

«Гавриил Гаврилович Котожеков является знаковой личностью в истории науки, культуры Республики Хакасия. Преждевременный уход из жизни Гавриила Гавриловича для Хакасии – невосполнимая утрата.

Несмотря на недожитые годы, Гавриил Гаврилович успел многие свои мысли опубликовать, сделать достоянием многочисленных читателей. Светлый облик Гавриила Гавриловича будет жить в сердцах коллег и друзей его». – В. Г. Карпов, профессор кафедры хакасской филологии.

Собирая материал для выставки, затем для справочника, читая некоторые научные труды Г. Г. Котожекова, поражаешься его работоспособности, широте взглядов и разносторонности, даже разноплановости его деятельности. Все, кому посчастливилось с ним работать, общаться, вспоминают о нем с благодарностью и уважением.

Журналист, актер, профессор ...

«Культура каждого народа не безродна,
имеет свои истоки и корни¹».

Котожеков Гавриил Гаврилович – доктор философских наук, профессор, член Академии социальных наук СО РАН, заслуженный деятель науки Республики Хакасия.

Гавриил Гаврилович родился 23 июня 1942 года в хакасском аале Хызыл-Салда Алтайского района, закончил областную национальную школу города Абакана.

В 1963 году поступил на факультет журналистики Московского государственного университета. Время учебы в университете плодотворно повлияло на формирование творческой личности Гавриила Гавриловича.

Гавриил Гаврилович параллельно учился в Театральной студии Марка Розовского при Доме культуры МГУ и снимался в художественных фильмах: «Сердце друга» в роли связиста (реж. Р. и Ю. Григорьевы) и «О чем молчала тайга» в роли охотника Маганакова (реж. А. Курочкин).

Во время съемок в городе Минске художественного фильма «Сердце друга» о Великой Отечественной войне молодой студент 3 курса МГУ Ганя в роли связиста, который, рискуя жизнью, соединил собой провода порванной связи, познакомился с санитаркой Валентиной Пронузой, студенткой Минского института иностранных языков. Эта встреча предопределила дальнейшие судьбы молодых студентов. Была долгая переписка, короткие встречи в Москве, Минске. Но ни время, ни расстояние не разрушили их любовь друг к другу. После окончания Минского института иностранных языков Валентина Пронуза и Гавриил Котожеков пожени-

¹ Котожеков, Г.Г. Этническая стратификация и национальная культура. Абакан, 1991. С. 45.

лись и переехали жить в г. Абакан². Началась счастливая семейная жизнь, родились сын Каскар и дочь Карина.

Гавриил Гаврилович с 1968–1977 годы работал на Абаканской студии телевидения, в Хакасском областном комитете по телевидению и радиовещанию режиссером студии, затем главным редактором вещания на хакасском языке³. Кроме того, он ставил телевизионные спектакли и писал сценарии. Его пьеса «Айдолайның хоңалчостары = Прodelки Айдолая» была поставлена в Хакасском Драматическом театре в 1974 году режиссером В. И. Ивандаевым и в 2005 году режиссером А. С. Асочаковым.

Практическая работа на телевидении и радио, общение с широким кругом людей многонациональной Хакасии вывели Г. Г. Котожекова на различные актуальные проблемы, связанные с современным состоянием национальной хакасской культуры, с характером ее взаимодействия с культурами других народов. Интерес к этим проблемам оказался у Гавриила Гавриловича настолько устойчивым, что вызвал потребность их изучения и анализа, сбора материалов⁴.

Результатом исследования национальной культуры явилась кандидатская диссертация на тему «Интернациональное и национальное в социалистической художественной культуре народов Южной Сибири» по философии, которую он защитил в 1980 году.

Дальнейшая трудовая деятельность была связана с активной работой в области журналистики. Гавриил Гаврилович с 1982–1996 годы работал заместителем редактора газеты «Советская Хакасия», а затем главным редактором газеты «Ленин чолы», а с 1992 года – «Хакас чирі». В этот период наиболее полно раскрылся творческий потенциал его лично-

² Кайманова, Л. «Я не приду к тебе, не жди меня...» // Хакасия. 1999. 22 июля.

³ Данькина, Н. А. Котожеков Г. Г. // Энциклопедия Республики Хакасии. Красноярск, 2008. Т. 1. С. 309.

⁴ Готлиб, А. И., Зубков В. С. Гавриил Гаврилович Котожеков (1942-1998) // Хакасия: история и современность. Новосибирск, 2000. С. 176.

сти. Гавриил Гаврилович занимался постоянным поиском и разработкой злободневнейших тем, исследованием жизни и социального самочувствия родного народа.

Гавриил Гаврилович, работая редактором, продолжает заниматься научной деятельностью. Главным направлением следующей научной работы Г. Г. Котожекова явилось изучение культур этносоциальных общностей коренных жителей Южной Сибири как целостных, системных образований⁵.

В своих исследованиях он отстаивал и развивал идею самоценности культуры каждого народа. Он подчеркивал, что успешное развитие культуры народа возможно только тогда, когда есть историческая преемственность через непрерывную цепь сменяющих друг друга поколений. Гавриил Гаврилович составил родословную на примере своего рода Котожековых, которая представляет собой огромное ветвистое дерево из 15 колен, начиная с XV века; там представлены более двухсот имен и родовой флаг.

Определение генезиса и становления культур малочисленных народов Южной Сибири как философско-социального, исторического явления; оценка их современного состояния и прогнозирование перспектив развития этих культур в ближайшем будущем – все это определяло основу исследований Г. Г. Котожекова.

Результатом плодотворных исследований явилась докторская диссертация на тему «Философско-социологический анализ национальной культуры», которая была успешно защищена в 1991 году в Академии общественных наук г. Москва.

Котожеков Г. Г. в 1993 году был избран на должность профессора ХГУ им. Н. Ф. Катанова, сформировал кафедру культурологи, которую возглавлял до 1996 года. Гавриил Гаврилович читал студентам университета спецкурсы: «Ис-

⁵ Там же.

тория культуры Саяно-Алтайского нагорья», «История культуры хакасского этноса».

Под его руководством на кафедре культурологии проводились социологические исследования Институтом социально-политических исследований РАН и Южно-Сибирским отделением Академии социальных наук по программе изучения межнациональных отношений в Российской Федерации в оценках и представлениях массового сознания. В процессе исследования Гавриилом Гавриловичем закладывалась база для формирования в Республике Хакасия собственной школы культурологических и социологических исследований. При кафедре приступили к научной работе первые аспиранты⁶.

Продолжая исследовать и анализируя взаимодействие различных культур, Гавриил Гаврилович пишет: «Взаимно усваивая культурное достояние друг друга, взаимодействующие общества неизбежно приходят к общему культурному бытию, в котором субъективность сторон раскрывается друг для друга через опосредование общим объектом деятельности. ... ибо только духовная близость сеет семена доверия и уважения»⁷.

Гавриил Гаврилович в 1994 году был избран действительным членом Академии социальных наук СО РАН.

В 1994 году Котожеков Г. Г. был принят в члены Федерального Совета «Партии Российского единства и согласия».

Дальнейшей ступенью в научной деятельности Котожекова Г. Г. явилась работа с 1996 года в качестве директора ХакНИИЯЛИ. Гавриил Гаврилович внес свежие идеи и замыслы в работу института: успешно провел две конференции, посвященные 290-летию совместного развития России и

⁶ Готлиб, А. И., Зубков В. С. Гавриил Гаврилович Котожеков (1942-1998) // Хакасия: история и современность. Новосибирск, 2000. С. 178.

⁷ Взаимодействие и взаимопроникновение контактирующих этнических культур Хакасии // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития. Абакан, 1998. С. 17, 20.

Хакасии и проблеме изучения традиционного мировоззрения хакасов.

Котожекову Гавриилу Гавриловичу было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РХ» в 1997 году⁸.

Гавриил Гаврилович успешно сочетал теоретическую и исследовательскую работу в области изучения культур народов Южной Сибири с разработкой практических рекомендаций, направленных на сохранение и развитие национальной культуры хакасов. Котожеков Г. Г. принимал непосредственное участие в подготовке республиканских программ: «Возрождение и духовное развитие хакасского этноса (1996-2000 гг.)» и «Развитие культуры Республики Хакасия (1994-2000 гг.)». Являлся председателем ученого совета ХакНИИЯЛИ, членом ученого совета ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Принимал активное участие в работе «Сенежского форума», возглавляемого Р. Г. Абдулатиповым.

Трагическая случайность 9 марта 1998 года оборвала жизнь талантливого ученого Гавриила Гавриловича Котожекова. Безвременная кончина перечеркнула планы, идеи, замыслы ... Он оставил после себя добрую память, любовь и уважение.

С 2001 года по инициативе кафедры культурологи ХГУ им. Н. Ф. Катанова в честь благодарной памяти талантливого ученого и первого заведующего кафедрой Гавриила Гавриловича Котожекова, проводятся «Котожековские чтения»⁹.

М. И. Ивандаева, гл. библиограф;
научно-библиографического отдела,
Научной библиотеки ХГУ им. Н. Ф. Катанова

⁸ Указ Президиума Верховного Совета Респ. Хакасия от 11.06.1997 N 45-у О присвоении Котожекову Г.Г. почетного звания «Заслуженный деятель науки Республики Хакасия» // КонсультантПлюс.

⁹ Бухарина, Н. Памяти Котожекова Г. Г. // Котожековские чтения. Евразийство: историко-культурное наследие и перспективы развития. Абакан, 2001. Вып. 1. С. 3.

Библиография Г. Г. Котожекова

Региональные программы развития культуры в Хакасии

1. Программа возрождения и духовного развития хакасского этноса (1996–2000 гг.): проект: [Принят Постановлением Совета Министров Республики Хакасия от 01.12.95 г. № 285] / ХакНИИЯЛИ; Г. Г. Котожеков, Л. В. Анжиганова, В. М. Мамышев. – Абакан, 1995.
2. Программа развития культуры Республики Хакасия на 1994 – 2000 гг.: брошюра: [принята на сессии Верховного Совета Республики Хакасия 14.02.96 г. № 457-19] / Л. В. Анжиганова, В. Я. Бутанаев, Е. И. Иванова, Г. Г. Котожеков [и др.]. – М. – Абакан: Верховный Совет Республики Хакасия, 1995. – 48 с.

Монографии, диссертации, авторефераты диссертаций

3. Интернациональное и национальное социалистической, художественной культуры народов Южной Сибири: спец. 17.00.08 – Теория и история культуры: автореферат дис. на соиск. учен. степ. к. филос. н. / науч. рук. В. М. Полевой; Академия общественных наук ЦК КПСС; Кафедра теории истории культуры. – М., 1980. – 21 с. – (На правах рукописи).
4. Интернациональное и национальное социалистической, художественной культуры народов Южной Сибири: спец. 17.00.08 – Теория и история культуры: диссертация на соиск. учен. степ. к. филос. н. / науч. рук. В. М. Полевой; Академия общественных наук ЦК

- КПСС; Кафедра теории истории культуры. – М., 1980. – 193 с. – (На правах рукописи).
5. Художественная культура народностей СССР: диалектика развития: [монография]. – М.: Мысль, 1984. – 140 с.: ил.
 6. Философско-социологический анализ национальной культуры: спец. 17.00.08 – Теория и история культуры: автореферат дис. на соиск. учен. степ. д-ра филос. н. / науч. конс. В. М. Полевой; Академия общественных наук ЦК КПСС; Кафедра теории истории культуры. – М., 1991. – 48 с. – (На правах рукописи).
 7. Философско-социологический анализ национальной культуры: спец. 17.00.08 – Теория и история культуры: диссертация на соиск. учен. степ. д-ра филос. н. / науч. конс. В. М. Полевой; Академия общественных наук ЦК КПСС; Кафедра теории истории культуры. – М., 1991. – 331 с. – (На правах рукописи).
 8. Генезис национальной культуры (Опыт филос.-социол. и ист. анализа на материале культуры народов Юж. Сибири): [монография] / Г. Г. Котожеков; Акад. обществ. наук при ЦК КПСС; Каф. теории и истории культуры. – Абакан: Красноярское краевое изд-во, Хакасское отд-ние, 1991. – 192 с.

Учебные пособия, словарь-справочник

9. Этническая стратификация и национальная культура: учебное пособие. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1991. – 51 с.
10. Национальная культура: словарь-справочник. – Абакан, 1991.
11. Культура народов Саяно-Алтайского нагорья: учебное пособие. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 1992. – 192 с.

12. Жители Хакасии о своей жизни: результаты соц. исследования по теме «Состояние межнациональных отношений в Респ. Хакасия в оценках и представлениях массового сознания» / Центр социологии межнац. отношений Ин-та соц.-полит. исследований РАН; Каф. культурологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова; рук. исследования по Респ. Хакасия, действительный член РА соц. наук д-р философских н., проф. Г. Г. Котожеков; отв. ред.: Л. В. Анжиганова, Г. Г. Котожеков. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1994. – 72 с.
13. Межнациональные отношения в Хакасии: результаты соц. исследования по теме «Состояние межнациональных отношений в Респ. Хакасия в оценках и представлениях массового сознания»: брошюра / Центр социологии межнац. и межрегиональных отношений Института соц.-полит. исследований РАН; ХакНИИЯЛИ; Каф. культурологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова; Южно-Сибирское отд-ние Академии социальных наук; рук. исследования по Респ. Хакасия, действительный член РА соц. наук д-р философ. н., проф. Г. Г. Котожеков; отв. ред.: Л. В. Анжиганова, Г. Г. Котожеков. – М.-Абакан: ХРИПКиПРО Роса, 1997. – 51 с.

Научные статьи, сообщения, тезисы

1978

14. О некоторых особенностях диалектики национального и интернационального в хакасской литературе и искусстве // Великий Октябрь и социально-экономическое развитие Хакасии / ХакНИИЯЛИ; ред. колл.: В. А. Асочаков, К. Ф. Антошин [и др.]. – Абакан, 1978. – С. 189–197.

1979

15. Партия в формировании социалистической художественной культуры народов Южной Сибири // Художественное творчество в утверждении социалистического образа жизни. – М.: ПМБ Академии общественных наук при ЦК КПСС, 1979. – С. 26–54.
16. По пути развития социалистической культуры (к 50-летию образования Хакасской автономной области) // Блокнот агитатора. Орган отдела пропаганды и агитации Красноярского крайкома КПСС. – Красноярск, 1979. – № 2.
17. Историческое развитие социалистической культуры алтайцев и хакасов // Блокнот агитатора. Орган отдела пропаганды и агитатора Горно–Алтайского обкома КПСС. – Горно-Алтайск, 1979. – № 11.

1980

18. Взаимовлияние и взаимодействие культур народов Саяно-Алтая // Литературоведение и история: тезисы докладов и сообщений III Всесоюзной тюркологической конференции АН Узбекская ССР, 10-12 сентября 1980 г., г. Ташкент. – Ташкент: Фан, 1980.

1986

19. Проблемы развития художественной культуры народов Южной Сибири: тезисы // Актуальные проблемы изучения истории художественной культуры советской Сибири: материалы научного совещания. – Новосибирск, 1986.
20. Культура хакасов в условиях ускоренного социально-экономического развития Саянского ТПК // Комплексное социально-экономическое развитие Сибири: материалы научно-практической конференции. – Новосибирск, 1986.

1988

21. Род – становой остов этноса // Кемзиң син? = Кто ты есть? (Творческая реконструкция, дизайн праздника и экспериментальные модели сценариев) / Г. Г. Казачинова, В. К. Татарова; консультант Г. Г. Котожеков и [др.]. – Абакан: Роса, 1997. – С. 4–5. – (Ритуально-обрядовые и календарные праздники хакасов).

1990

22. Национальная культура в системе этнической стратификации // Общественное сознание и общественные отношения в условиях перестройки: материалы научно–практической конференции. – М.: ПМБ Академии общественных наук при ЦК КПСС, 1990.
23. Проблемы межнациональных отношений в практике работы партийных органов: тезисы // Партийная организация в гармонизации межнациональных отношений: тезисы всесоюзной научно–практической конференции. – М.: ПМБ Академии общественных наук при ЦК КПСС, 1990.
24. Проблемы межнациональных отношений в практике работы партийных комитетов // Идеологическая работа партийных комитетов в условиях демократизации общества: материалы научно–практической конференции. – М.: ПМБ Академии общественных наук при ЦК КПСС, 1990.
25. Зарождение национальных танцев (предисловие) // Ансамбль «Жарки»: воспоминания балетмейстера / С. Д. Словина. – Абакан: Хак. отд-ние Красноярского кн. изд-ва, 1990. – С. 5–6.

1993

26. Проблемы преемственности в национальной культуре // Народная педагогика и современные проблемы воспитания и образования: материалы республиканской на-

- учно-практической конференции по подготовке народной педагогики / отв. ред. О. Ю. Ашмарина. – Абакан: Министерство образования Республики Хакасия, 1993. – Ч. I.
27. Сибирь в поле культуры: тезисы // Проблемы возрождения национальной культуры: тезисы региональной научно-практической конференции. – Улан-Удэ, 1993.
28. Социальная и социально-политическая ситуация в России. Анализ и прогноз: [данные социологического исследования по Республике Хакасия] / [Г. Г. Котожеков, Г. В. Осипов, В. К. Левашов, В. В. Локосов, В. Н. Иванов] // Информационно-аналитические документы по результатам социологических исследований. – М.: Издательский центр Ин-та социально-политических исследований РАН, 1993.
29. Конфликтные факторы в межнациональных отношениях в республиках Южной Сибири: тезисы // Тезисы материалов Международной конференции по проблемам коренных народов. – М., 1993.

1991

30. Сибирні чинені = Колонизация Сибири: взаимодействие контактирующих этнических культур: [на хак. яз.] // Ах Тасхыл: литературно-художественный альманах. – Абакан, 1991. – № 39. – С. 3–12.
31. Национально-государственное строительство в Южной Сибири: [на алт. яз.] // Эл Алтай. – Горно-Алтайск, 1991. – № 1.
32. Сохранение ценностей культуры в процессе интеграции общественной жизни // Проблемы сохранения культурного наследия: тезисы всероссийской научно-практической конференции. – Белгород, 1991.
33. Сохранение ценностей культуры в процессе интеграции общественной жизни // Современные социальные технологии: сущность, многообразие форм и внедре-

ния: материалы международной научно-практической конференции, г. Белгород 18-20 апр. 1991 г.: в 4 т. / – Белгород, 1991.

34. От конфликтов к согласию: [выступление] // Материалы «Круглого стола «Сенежского Форума». – М., 1991.

1994

35. Депопуляция хакасского этноса: история, факторы, перспективы // Демографическое развитие России и его социально-экономические последствия: материалы международной научно-практической конференции / ИСПИ РАН; Мин-во труда РФ. – М.: ИСПИ РАН, 1994.
36. Некоторые аспекты развития национальной культуры / Г. Г. Котожеков, А. И. Котожеков // Культура Сибири: история и современность: материалы краевой научно-практической конференции. – Красноярск, 1994.
37. Хакасия (состояние межнациональных отношений в регионах Российской Федерации) / Г. Г. Котожеков, А. П. Котов, И. В. Ладодо // Результаты социологических исследований по Республике Хакасия: брошюра. – М., 1994.

1996

38. Чатхан как символ духовной культуры хакасского народа // Чатхан: история и современность: материалы I международного симпозиума, 28 июня 1996 г. / М-во культуры РФ, М-во культуры РХ, Хака. гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова; отв. ред. В. Н. Тугужекова. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1996. – С. 3–4.
39. Чатхан // Жизнь национальностей. – М., 1996. – № 6. – С. 41–43.

1997

40. Религиозные воззрения хакасов в прошлом и настоящем // Традиционное мировоззрение хакасов: прошлое, настоящее, будущее: материалы междунар. семинара «Традиционное мировоззрение хакасов: прошлое, настоящее, будущее», г. Абакан, 25 сент. 1997 г. / отв. ред. Г. Г. Котожеков. – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1997. – С. 5–11.

1998

41. Взаимодействие и взаимопроникновение контактирующих этнических культур Хакасии // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития: сборник материалов республиканской научной конференции / ХакНИИЯЛИ; ХГУ им. Н. Ф. Катанова; ред. колл.: Г. Г. Котожеков (отв. ред), В. Е. Майнагашева, О. В. Субракова, А. П. Шекшеев. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1998. – С. 14–20.
42. Межнациональные отношения в Республике Хакасия в оценках и представлениях, бытующих в массовом сознании // Этносоциальные процессы в Сибири: темат. сб. / СО РАН. Ин-т философии и права; отв. ред. Ю. В. Попков. – Новосибирск, 1998. – Вып. 2. – С. 209–214.

Статьи в газетах

43. Алғым сағыс тыс пирбинче. Гавриил Гаврилович Котожековха пўён 50 час толча. Арғызыбыстанар чылых сөс: [Г. Г. Котожекову, д-ру философ. наук – 50 лет] // Хакас чирі. – 1992. – 23 июнь. – С. 4.
44. Две культуры столкнулись, удивились, обогатились: [из докл. на научно-практической конференции к 290-

- летию присоединения Хакасии к России] // Абакан. – 1997. – 24 июня (№ 137-138). – С. 6.
45. «Кӱс чӱрчен чон полбаабыс»: [из докл., посвящ. 290-летию присоединения Хакасии к России] // Хакас чирі. – 1997. – 28 окт. – С. 3.
46. Культура тилинің пӱгіннері = Проблемы духовной культуры // Ленин чолы. – 1990. – 14 авг. – С. 3.
47. Проблемы духовной культуры: [содоклад] // Советская Хакасия. – 1990. – 16 авг. (№ 187). – С. 2. – (Съезд хакасского народа).
48. «Пурунғыларыбыс орта чаратханнар»: [социально-политические предпосылки присоединения Хакасии к России] // Хакас чирі. – 1997. – 23 авг. – С. 3.
49. Символ духовной культуры народа: [о национальном музыкальном инструменте хакасов – чатхане] // Хакасия. – 1997. – 17 июля (№ 136). – С. 4. – (К Дням культуры Хакасии в Москве).
50. Университет – мерило культуры Хакасии: продолжим дискуссии / В. Кузьмин, Г. Котожеков, М. Кобелькова // Хакасия. – 1993. – 29 окт. (№ 175). – С. 2–3.
51. «Чиит туста артист поларға сағынғам» – сағысха кирче поэзияның чуртазын Г. Г. Котожеков: [к 55-летию д-ра философ. наук Г. Г. Котожекова; беседу вел И. Султреков] // Хакас чирі. – 1997. – 21 июнь. – С. 3.
52. Ырах чорыхтаң айланды, тылаас – хабарын хахтады: [о международном съезде востоковедов в Респ. Калмыкия, в котором принимал участие директор ХакНИИЯЛИ, д-р философ. наук, профессор Г. Г. Котожеков]. / Г. Г. Котожеков; беседу вела Г. Райкова // Хакас чирі. – 1997. – 4 дек. – С. 6.

Драматургия

53. Айдолайның хоңалчостары = Прodelки Айдолая: [пьеса на хак. яз.] // Пьесалар: сборник / [М. Е. Кильчичаков, В. Г. Шулбаева, М. Туран, Г. Г. Котожеков; худ. В. Тодыков]. – Абакан: Хак. отд-ние Красноярского кн. изд-ва, 1991. – С. 219–263.

Редактирование, рецензирование и консультирование

54. Актуальные проблемы подготовки специалистов в педагогическом вузе: мат-лы III республиканских Катановских чтений / [гл. ред. В. Н. Тугужекова; ред. колл.: В. В. Анюшин, В. Я. Бутанаев, Э. Г. Горбачева, Г. А. Горенкова, Г. Г. Котожеков и др.]. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1995. – 164 с.
55. Анжиганова, Л. В. Шаманизм: теория и практика / Л. В. Анжиганова; реценз.: Г. Г. Котожеков, А. Н. Гладышевский. – Абакан: ХакГУ им. Н. Ф. Катанова; ХакНИИЯЛИ, 1997. – 50 с.
56. Жители Хакасии о своей жизни: результаты соц. исследования по теме «Состояние межнациональных отношений в Респ. Хакасия в оценках и представлениях массового сознания» / Центр социологии межнац. отношений Ин-та соц.-полит. исследований РАН; Каф. культурологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова; рук. исследования по Респ. Хакасия, действительный член РА соц. наук д-р философских н., проф. Г. Г. Котожеков; отв. ред.: Л. В. Анжиганова, Г. Г. Котожеков. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1994. – 72 с.
57. Межнациональные отношения в Хакасии: результаты соц. исследования по теме «Состояние межнациональных отношений в Респ. Хакасия в оценках и представлениях массового сознания»: брошюра /

- Центр социологии межнац. и межрегиональных отношений Института соц.-полит. исследований РАН; ХакНИИЯЛИ; Каф. культурологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова; Южно-Сибирское отд-ние Академии социальных наук; рук. исследования по Респ. Хакасия, действительный член РА соц. наук д-р философ. н., проф. Г. Г. Котожеков; отв. ред. Л. В. Анжиганова, Г. Г. Котожеков. – М.-Абакан: ХРИПКиПРО Роса, 1997. – 51 с.
58. Кемзиң син? = Кто ты есть? (Творческая реконструкция, дизайн праздника и экспериментальные модели сценариев) // Г. Г. Казачинова, В. К. Татарова; консультант Г. Г. Котожеков и [др.]. – Абакан: Роса, 1997. – 88 с. – (Ритуально-обрядовые и календарные праздники хакасов).
59. Традиционное мировоззрение хакасов: прошлое, настоящее, будущее: материалы междунар. семинара «Традиционное мировоззрение хакасов: прошлое, настоящее, будущее» (г. Абакан, 25 сент. 1997 г.) / отв. ред. Г. Г. Котожеков, Л. В. Анжиганова, М. Д. Чертыкова и [др.]. – Абакан: ОПП Госкомстат Респ. Хакасия, 1997. – 115 с.
60. Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития: сборник материалов республиканской научной конференции / ХакНИИЯЛИ; ХГУ им. Н. Ф. Катанова; ред. колл.: Г. Г. Котожеков (отв. ред), В. Е. Майнагашева, О. В. Субракова, А. П. Шекшеев. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1998. – 232 с.
61. Чатхан: история и современность: материалы первого Междунар. симпозиума, 25-28 июня 1996 г., г. Абакан / [редкол.: В. Н. Тугужекова (отв. ред.), Г. Г. Котожеков, Л. В. Анжиганова и др.]. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1996.

Публикации о Г. Г. Котожекове

62. Анжиганова, Л. Люди уходят. Благодарная память остается / Л. Анжиганова // Хакасия. – 1998. – № 170. – С. 4.
63. Брюзгин, В. Он так любил степь и свой народ ... / В. Брюзгин // Хакасия. – 1999. – 22 июня (№ 115). – С. 3.
64. Бухарина, Н. Памяти Котожекова Г. Г. / Н. Бухарина // Котожековские чтения. Евразийство: историко-культурное наследие и перспективы развития: сб. материалов межвуз. научно-практ. конф. / под ред. Л. В. Анжигановой, Н. А. Бухариной. – Абакан: Стрежень, 2001. – Вып. 1. – С. 3–5.
65. Бухарина, Н. А. Уважаемые коллеги! / Н. А. Бухарина // Культура и социум: материалы межвузовской конференции «Котожековские чтения», посвященные 60-летию со дня рождения Г. Г. Котожекова, 21 июня 2002 г. г. Абакан / под ред. Л. В. Анжигановой. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2002. – С. 3–7.
66. Гавриил Гаврилович Котожеков: библиографический указатель (К 60-летию со дня рождения) / сост. А. И. Готлиб, В. С. Зубков. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2002. – 8 с.
67. Гавриил Гаврилович Котожеков – директор ХакНИИ-ЯЛИ // Вестник Хакасии. – 1996. – 4-11 апр.
68. Готлиб, А. И. Гавриил Гаврилович Котожеков (1942-1998) / А. И. Готлиб, В. С. Зубков // Хакасия: история и современность / отв. ред. В. Н. Тугужекова. – Новосибирск: Наука, 2000. – С. 175-180. – (Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. XXI).
69. Готлиб, А. Пöгіннері көп полған: [о д-ре философ. наук, директоре ХакНИИЯЛИ Г. Г. Котожекове] / А. Готлиб // Хакас чирі. – 2002. – 21 июня. – С. 7.
70. Данькина, Н. А. Котожеков Гавриил Гаврилович / Н. А. Данькина // Энциклопедия Республики Хакасия: в

- 2-х томах / отв. ред. В. А. Кузьмин. – Красноярск: Поликор, 2008. – Т. 1: А – Н. – С. 309.
71. Кайманова, Л. «Я не приду к тебе, не жди меня ...»: [памяти д-ра философ. наук, директора ХакНИИЯЛИ Г. Г. Котожекова] / Л. Кайманова // Хакасия. – 1999. – 22 июля (№ 136). – С. 4.
72. Кайманова, Л. В. Встретил апрельским утром: [к годовщине трагической гибели Г. Г. Котожекова] / Л. В. Кайманова // Абакан. – 2002. – 15 мая. – С. 22.
73. Катаева, Л. Ганя, Гавриил Гаврилович... : [воспоминания о Г. Г. Котожекове] / Л. Катаева // Хакасия. – 1998. – 16 апр. – С. 4.: фотогр. из личн. архива.
74. Көтөчек, И. Пастағчыбыс полған: [о д-ре философ. наук, директоре ХакНИИЯЛИ Котожекове Г. Г.] / И. Көтөчек // Хакас чирі. – 2002. – 21 июня.
75. Котожеков, А. Пастағчыбыс Г. Г. Котожеков сағысха киріп: [воспоминания об ученом, журналисте Г. Г. Котожекове] / А. Котожеков // Хакас чирі. – 1999. – 22 июня.
76. Котожеков, А. Пастағчыбыс полған: [воспоминания об ученом, журналисте Г. Г. Котожекове] / А. Котожеков // Хакас чирі. – 2002. – 21 июня. – С. 7.
77. Мамышева, Н. Сын интеллигент, улуғ ученай, артыхтаң артых кізі = Истинный интеллигент, ученый, лучший из лучших: [о профессоре Г. Г. Котожекове] / Н. Мамышева // Хакас чирі. – 2002. – 20 июня. – С. 2.
78. Нербышев, Каркей Аға ачырғана, аны хумартхылап. Журналист, ученай Г. Г. Котожеков үрееннең пеер пір чыл: [памяти д-ра философ. наук Г. Г. Котожекова] / К. Нербышев // Хакас чирі. – 1999. – 11 марта. – С. 3.
79. Нербышев, Каркей Помним имя его: [памяти д-ра философ. наук, директора ХакНИИЯЛИ Г. Г. Котожекова] / К. Нербышев // Хакасия. – 1999. – 10 марта (№ 45). – С. 3.

80. Ничто на земле не проходит бесследно: [памяти д-ра философ. наук, проф., директора ХакНИИЯЛИ, засл. деятеля науки Республики Хакасия, председателя Южно-Сибирского отделения академии социальных наук Г. Г. Котожекова] / Коллеги, друзья // Хакасия. – 2002. – 22 июня. – С. 4.

Вспомогательные указатели

Именной указатель

Анжиганова Л. В. 1, 2, 12, 13, 55, 56, 57, 59, 61, 62, 64, 65
Антошин К. Ф. 14
Анюшин В. В. 54
Асочаков В. А. 14
Ашмарина О. Ю. 26
Брюзгин В. 63
Бутанаев В. Я. 2, 54
Бухарина Н. А. 64, 65
Гладышевский А. Н. 55
Горбачева Э. Г. 54
Горенкова Г. А. 54
Готлиб А. И. 66, 68, 69
Данькина Н. А. 70
Зубков В. С. 66, 68
Иванов В. Н. 28
Иванова Е. И. 2
Казачинова Г. Г. 21, 58
Кайманова Л. В. 71, 72
Катаева Л. 73
Кильчичаков М. Е. 53
Кобелькова М. 50
Котов А. П. 37
Котожеков А. И. 36, 75, 76
Көтечек И. 74
Кузьмин В. А. 50, 70
Ладодо И. В. 37
Левашов В. К. 28
Локосов В. В. 28
Майнагашева В. Е. 41, 60
Мамышев В. М. 1

Мамышева Н. 77
Нербышев К. 78, 79
Осипов Г. В. 28
Полевой В. М. 3, 4, 6, 7
Попков Ю. В. 42
Райкова Г. 52
Словина С. Д. 25
Субракова О. В. 41, 60
Султреков И. 51
Татарова В. К. 21, 58
Тодыков В. 53
Тугужекова В. Н. 38, 54, 61, 68
Туран М. 53
Чертыкова М. Д. 59
Шекшеев А. П. 41
Шулбаева В. Г. 53, 60

Именной указатель соавторов

Анжиганова Л. В. 1
Бутанаев В. Я. 1
Иванов В. Н. 28
Иванова Е. И. 1
Кобелькова М. 50
Котов А. П. 37
Котожеков А. И. 36
Кузьмин В. 50
Ладодо И. В. 37
Левашов В. К. 28
Локосов В. В. 28
Мамышев В. М. 1
Осипов Г. В. 28

Предметный указатель

- Интеграция 32, 33
- Колонизация Сибири 30
- Культура 44
 - взаимовлияние и взаимодействие 18
 - духовная 46, 47
 - народов Южной Сибири (Саяно-Алтая) 3, 4, 8, 11, 27
 - национальная 9, 10, 22
 - аспекты 36
 - в системе этнической стратификации 22
 - генезис 8
 - национальные танцы 25
 - праздники хакасов 21
 - преемственность 26
 - сохранение ценностей культуры 32, 33
 - философско-социологический анализ 6, 7, 8
 - хакасов 20
 - художественная 5
 - интернациональное и национальное 3, 4
 - социалистическая 15, 16, 17
 - проблемы развития 19
 - этническая
 - взаимодействие взаимопроникновение 41
- Межнациональные отношения 12, 13, 57
 - в работе партийных органов 23, 24
 - в Республике Хакасия 37, 42
 - в оценках и представлениях в массовом сознании 12, 13
 - конфликтные факторы 29
- Народы Саяно-Алтая 18
- От конфликтов к согласию 34
- Программа
 - возрождения и духовного развития 1
 - развития культуры Республики Хакасия 2

- Религиозные воззрения хакасов 40
- Россия и Хакасия
 - 290 лет совместного развития 60
 - присоединение к России 48
 - социальная и социально-политическая ситуация анализ и прогноз 28
- Саянский ТПК 20
- Традиционное мировоззрение хакасов 59
- Университет 50
 - подготовка специалистов в педвузе 54
- Хакасия
 - жители о своей жизни 12
- Хакасская литература и искусство
 - диалектика национального и интернационального 14
- Чатхан 39, 61
 - символ духовной культуры 38
- Шаманизм 55
- Этническая стратификация 9, 22
- Этнос
 - депопуляция хакасского 35
 - род 21
- Южная Сибирь
 - национально-государственное строительство 31

- Айдолайның хоңалчостары 53
- Алғым сағыс тыс пирбинче 42
- Кемзің син 58
- Көс чөрчен чон полбаабыс 45
- Чиит туста артист поларға сағынғам 51
- Брах чорыхтаң айланды, тылаас – хабарын хахтады 52

Этническая стратификация и национальная культура

В работе дается понятие этнической стратификации; ее взаимодействия с социальной стратификацией; методология и методика этнической стратификации; рассматриваются возможности использования теории этнической стратификации применительно к советской действительности.

В данной работе впервые рассматривается применение «стратов» и критерий этнической стратификации в изучении этносов и их самобытных культур.

В любой многонациональной стране или полиэтнической среде существует система этнической стратификации, которая неразрывно переплетена с социальной стратификацией. Прежде чем расшифровать свое понятие этнической стратификации, по-видимому, необходимо дать объяснение вообще термину «стратификация», в т. ч. социальной и этнической. Социологи, позаимствовав термин «стратификация» (от лат. *stratum* – слой и *facio* – делаю) из словаря естественных наук, добавили к нему определение «социальное», сохранив двойной смысл понятия. «Социальная стратификация» означает одновременно и процесс, непрерывно идущий в обществе, и результат этого процесса. Западные социологи, исходя из признаков исследуемых стратов, по разному формулируют понятие социальной стратификации. Одни под ней подразумевают «процесс, в результате которого семьи и индивиды оказываются не равными друг, другу и группируются в иерархически расположенные страты с различным престижем, с собственностью и властью»¹. С. Либерзон социальную стратификацию определяет как дифференциацию населения в иерархии социальных слоев, на базе которой осуществляется неравномерное распределение прав и привиле-

гий². А по словарю Файерчайльда «социальная стратификация» - это упорядочение элементов в группы, расположенные на различных горизонтальных уровнях; введение социальных положений, которые отличаются друг от друга как выше- и нижерасположенные³. Значит, социальная стратификация понимается не только как метод выявления слоев данного общества. Одновременно она и «портрет» самого общества⁴. Ибо если бы мы стратифицировали все население страны по тем или иным критериям, то в результате получили бы те страты (слои), из которых это население состоит. В этом, втором смысле стратификация – черта любого общества: рабовладельческого, феодального, капиталистического, социалистического, т.к. те или иные слои есть в любом обществе в любой стране. Они были в прошлом, имеются в настоящем, останутся в будущем⁵. Разумеется, их не может быть только в таком обществе, где все люди абсолютно одинаковы и равны, где нет никаких различий по доходу, собственности, власти, престижу, национальности, культуре. Но такое общество возможно только в утопическом царстве. Пока же человечество практически не в состоянии построить такое общество.

Для того чтобы общество могло существовать, необходимо, чтобы выполнялось множество разнообразных функций, жизненно важных для общества. «Во всех известных нам обществах, прошлых и современных, – отмечает М. Тьюмен, – ценимые и дефицитные блага и услуги распределяются неравномерно, в зависимости от положений, обладатели которых получают равное количество благ и услуг, соответственно тому, как оценивается важность занимаемого им положения»⁶. Поэтому при оценке выполнения важности функциональных положений теоретики социальной стратификации исходят из двух критериев: 1) степени функциональной уникальности разных положений и 2) степени зависимости данного положения от других в определенных вопросах. Базируясь на этих критериях, они упорядочивают все множества положений, пользуясь понятиями «власть», «статус», «роль»,

«должность», «профессия», «ранг», «престиж». Создатели этой теории, рассматривая человека или группу в роли и работника, и потребителя, учитывают все позиции в системе власти, которые они могут иметь; все масштабы и виды объектов (средства производства, предметы потребления), которыми они могут управлять и все виды и объекты благ, которые они могут получать от общества.

Однако долгие годы теория социальной стратификации в нашей науке не признавалась. Эта теория противопоставлялась марксизму, вернее, считалось, что она выдумана буржуазной социологией для фальсификации и сознательного извращения марксистской методологии. Этим и объяснялся идеологический запрет на методологию социальной стратификации. В результате связь советского общества с мировой социологической наукой практически оказалась разорванной. По мнению социолога Р. В. Рывкиной, такой подход привел советскую социологию к тяжелым последствиям. Во-первых, был воспитан необъективный, обвинительный, предвзятый, неуважительный подход к западным авторам, к их идеям и концепциям. Если они не клеветают на марксизм, то они как минимум искажают его. Во-вторых, установка на борьбу отодвинула на задний план установку на усвоение прогрессивных методов социальных исследований – методов измерения, экспериментирования, моделирования. В-третьих, сдерживала развитие понятийного аппарата этой науки⁷. Впрочем, до сих пор теория социальной стратификации не признается многими советскими философами, социологами, негативная оценка этой теории сохраняется и в общественно-политической литературе, во многих монографиях, статьях, диссертациях. Так, в «Философском энциклопедическом словаре», выпущенном в 1983 году, можно прочесть: «Социальная стратификация – одно из основных понятий буржуазной социологии, обозначающее систему признаков и критериев социального расслоения, неравенство в обществе, социальную структуру общества; отрасль буржуазной социоло-

гии. Теории социальной стратификации возникли в противовес марксистско-ленинской теории классов и классовой борьбы. Буржуазные социологи игнорируют место социальных групп в системе общественного производства и, прежде всего отношение собственности как главный признак классового деления общества. Классы, социальные слои и группы они выделяют на основе таких признаков, как образование, психология, бытовые условия, занятость, доходы и т.п. При этом различают «одномерную стратификацию», когда группы определяются на основе какого-либо одного признака, и «многомерную стратификацию», определяемую совокупностью признаков.

Большинство буржуазных теорий социальной стратификации отрицает раскол капиталистического общества на антагонистические классы – буржуазия и пролетариат.

Марксизм-ленинизм придает важное значение изучению всей сложной системы социальной дифференциации (внутриклассовой, между различными социальными группами), рассматривая классовое деление общества как центральное»⁸.

А вот как трактуется это понятие в «Кратком словаре по социологии» – одном из первых советских изданий такого рода в области социологии как специальной науки, изданном в 1989 году: «В буржуазной социологии – понятие, обозначающее основные социальные различия и неравенство (социальную дифференциацию) в современном обществе. Противостоит марксистская теория классов и классовой борьбы». Далее, в сущности, повторяя формулировку философского энциклопедического словаря, добавляется, что в «изучении социальной стратификации преобладают три направления. Первое в качестве ведущего критерия выделение слоев выдвигает социальный престиж, воплощающийся в определенном коллективном мнении о «высшем-низшем» положении индивидов или групп. Второе – главным считает самооценки людей относительно их социальной позиции. Третье – при

описании расслоения используют такие объективные критерии, как профессия, доход, образование и т.п.»⁹. Как видно из выше приведенных формулировок, оценка зарубежных социологических теорий социальной стратификации не изменилась в общественно-политической литературе даже в 1988-1989 гг. Вместе с тем многие советские социологи, освободившись от пут застойной идеологии, в своих исследованиях начали пользоваться методами и инструментарием социальной стратификации.

Как правильно подмечает Р. Рывкина, для оздоровления советского обществоведения нужно, во-первых, развеять миф о пороках так называемой буржуазной социологии, заполняющей и по сей день наши вузовские учебники, программы, монографии, и признать, что эта социология отнюдь не только буржуазная и отнюдь не порочная. Во-вторых, признать, что теория социальной структуры должна базироваться на достоверной эмпирической информации; что для сбора информации нужно иметь проверенную методику, что таких методик мы не имеем. А вот в зарубежной науке они есть, причем проверенные на протяжении почти столетия, и проводимых не ради опровержения марксизма-ленинизма, а ради того, чтобы знать общество, в котором они живут. В-третьих, провести общесоюзное обследование социальной стратификации советского общества, позволяющее сравнить его с обществами других стран¹⁰.

Надо признать, что Р. В. Рывкина стремится не только «реабилитировать» теорию социальной стратификации, но также вскрывает причины замалчивания реальной картины социальной стратификации страны, предлагает пути применения этой теории советской социологией.

Вместе с тем, если система социальной стратификации как-то пробивает себе дорогу в нашей социологии*, то теория

* С начала 60-х годов активно проводятся социологические исследования Ю.В. Арутюняном, О.И. Шкаратаном, Л.А. Гордоном, Э.И. Клоповым, А.К. Назимовым, М.Н. Руткевичем, Т.И. Заславской, Р.В. Рывкиной и др. Социологией сделан

этнической стратификации пока остается неизученной проблемой. На наш взгляд, в свете сложнейших межнациональных проблем, раздирающих наше общество, проблема выработки теоретических и методологических концепций этнической стратификации является актуальнейшей задачей обществоведов.

В связи, с чем возникает потребность в определении принципа теоретического осмысления концепции этнической стратификации в советском обществоведении. Ниже, не анализируя сам материал исследования, а только определяя свой подход к теории этнической стратификации и этнокультурной дифференциации, рассмотрим на фактических примерах некоторые аспекты этой проблемы.

В 1970-1980-е годы советские социологи начали активно исследовать проблемы межнациональных отношений. Миграция населения, урбанизация, формирование многонациональных трудовых коллективов, межнациональные конфликты и другие объективные факторы этнонациональной жизни требовали научного анализа. Например, по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, в местах постоянного жительства не с рождения проживало 47,1% населения страны. Из них 16,3% всех переселенцев (а это более 20 млн. чел.) проживало на новом месте менее двух лет. В некоторых республиках доля переселенцев составила более половины всего населения. Так, в Эстонской ССР она была равна 62,3; Латвийской – 60,4; РСФСР – 53,9; Казахской ССР – 51¹¹. Взаимодействие людей различной социальной и национальной принадлежности нуждалось в сознании обстановки взаимного уважения и взаимопонимания, равенства и братства, требовала учета национальных чувств, недопущения элементов неравенства, т. е. процесс нуждался в выработке ме-

немалый шаг вперед в изучении реальной социальной структуры советского общества 50-60-х годов. Но прогрессивная тенденция пробивается лишь внутри социологии. Если же оценивать всю совокупность общественных наук и главное, учебники для школ и вузов, то можно констатировать, что сдвиги здесь невелики.

ханизма исследования структуры межнациональных отношений на уровне этносов и индивидов. В то же время следует отметить, что такой механизм, позволяющий исследовать комплекс вопросов развития национально-этнических общностей, их взаимоотношений и взаимодействий, путей развития их самобытных культур, не был создан. Например, изучение проблем межнационального общения на основе социологических исследований началось только в начале 80-х годов*. Однако, вследствие фетишизации идеологической борьбы в науке, исходя из мифов о том, что советское общество ускоренно приближается к социальной однородности, что национальный вопрос в СССР решен, советские социологи не могли показать реальной картины дифференциации общества по социальным и национальным аспектам, ибо административная система, ее идеологический аппарат и наука, в том числе пристально следили за поддержанием этих мифов. Поэтому данные социологических исследований использовались в угоду мифов, из-за чего создавалось искажение реальной картины строения общества. А дезинформация – это не путь к упорядочению общества, а напротив, путь к расхождению интересов, путь к социальной и национальной дезинтеграции. Чтобы найти ответы на вопросы о причинах дезинтеграции интересов социальных и национальных групп, сохранения и углубления неравенства в обществе т.д., на наш взгляд необходимо отказаться от старых подходов и стереотипов и приступить к изучению роли социальной структуры

* См., например, Грдзелидзе Р.К., Межнациональное общение в развитом социалистическом обществе: (На примере Грузинской ССР). Тбилиси, 1980; Дробижва Л.М. Духовная культура народов ССР. М., 1981; Бурмистрова Т.Ю., Дмитриев О.А. Дружбой сплоченные. Культура межнационального общения в СССР. М., 1986; Серова И.М. Культура межнационального общения. Минск, 1986 и др. В названных работах были предприняты робкие попытки анализа межнациональных отношений на основе социологических исследований, проведенных по проблемам межнационального общения на уровне республик, национальных регионов, трудовых коллективов и личностных контактов, в том числе рассматривались аспекты духовного взаимодействия и культуры.

в развитии экономики, найти новые формы и в исследовании национальных проблем.

Одним из новых подходов в изучении национально-этнических процессов является система этнической стратификации, которая в отечественной социологии пока не разрабатывалась. Поэтому, отнюдь не претендуя на решения, а только на постановку вопроса, попробуем изложить свой взгляд на эту проблему.

Как было сказано выше, этническая стратификация тесно связана с социальной, но отнюдь ей не идентична. На наш взгляд, у этнической стратификации есть свои «страты», свои критерии, свои элементы, позволяющие рассматривать ее отдельно от социальной стратификации. Например, если стратифицировать советское общество по социальным слоям, которые реально сложились и давно существуют в нашей стране (хотя мы декларировали всеобщее равенство и однородность общества), то выяснится, что у нас есть и «элита», «верха» и «низы». При этом такой срез общества вряд ли будет иметь национальную окраску. «Рашидовщина», «медуновщина», «щелоковщина» – это, прежде всего порождение командно-административной системы.

А если взять теорию социальной структуры, – продукт политической доктрины тоталитарного режима, – то она так же не учитывает национальный аспект. По этой доктрине советское общество состоит из двух классов (рабочих и колхозного крестьянства) и одного слоя – интеллигенции. Главные критерии дифференциации населения (без учета многонациональности страны) – отношение к средствам производства и характер труда. Взаимоотношения между группами советского общества носят бесконфликтный характер: антагонистических противоречий нет, есть неантагонистические и поэтому легко разрешаемые. Эти отношения базируются, во-первых, на победившей в стране общественной собственности на средства производства; во-вторых, на объективно совпадающих единых интересах всех групп общества; в-

третьих, на общих чертах новой социальной системы: морально-политическом единстве советского народа, советском патриотизме и дружбе народов¹². При такой системе имеется полное равенство шансов на продвижение вверх, где кроме уровня образования и трудового вклада, никаких иных ограничений роста нет. Значит, система обеспечивает равенство и справедливость всех основных условий существования. Сформулировав свою доктрину «два класса – один слой» как истину «в конечной инстанции», Сталин к середине 30-х годов обосновал создание общества нового типа и построение фундамента социализма в СССР. Эта теория социальной структуры, давала возможность игнорировать ту методологию анализа социальной структуры, которой пользовалась мировая социологическая практика. В результате советское общество получило деформированное представление о своем состоянии, в котором, во-первых, тщательно завуалировалась сохранившееся неравенство между социальными и этническими группами. Главный акцент делался на «сближение», «преодоление различий», «выравнивание», «однородность». Во-вторых, иллюзорное представление о полном равенстве шансов на продвижение всех независимо от происхождения, национальности, партийности. В-третьих, как верно отмечает Р. В. Рывкина, было канонизировано утопическое представление о межгрупповых взаимоотношениях как бесконфликтных, гармонических, основанных на единстве интересов. В-четвертых, были завуалированы, скрыты многие черты реальной социальной структуры: номенклатурный кадровый механизм, воспроизводящий эту структуру и одновременно управляющий ее динамикой; находящиеся на вооружении социальных институтов (партаппарата, ведомственных кадровых служб и т.п.) критерии подбора и расстановки кадров¹³.

Такая доктрина социальной структуры общества стала основным инструментом командно-административной системы управления страной.

Она взяла на вооружение лозунг социального и национального равенства. Однако национальный аспект в этой теории больше декларировался, а в сущности игнорировался. Реализуя идею социальной однородности, административная система пренебрегала своеобразием национальной структуры общества. На словах провозглашая равенство всех наций и народностей, на деле тоталитарный режим расставил народы в разные ниши с неодинаковыми возможностями и полномочиями.

Этническая стратификация весьма многомерна. Она включает в себя территориальные, правовые, социально-экономические, языковые и культурные факторы взаимодействия.

В контексте нашего исследования, рассматриваем взаимодействие перечисленных факторов, необходимо проанализировать их в отдельности и с учетом заданной темы, сосредоточить внимание на факторах культуры и языка.

Итак, возьмем фактор территориальный, который в социальной стратификации играет несущественную роль, а в этнической становится весьма весомой. Как отмечалось выше, у нас в стране во многих национальных регионах вследствие командно-административных решений территориально-административные границы не соответствуют реальному расселению этносов. Так, например, кабардинцы, черкесы и адыгейцы (народы одной языковой группы, близкой культуры, традиций, обычаев, вероисповедания и т.п.) расселены в разных автономных образованиях*. В Сибири буряты так же искусственно разделены на три автономии. А осетины оказались разделены границами разных союзных республик. В 40-е годы в пользу Красноярского края без всяких на то веских оснований от Хакасии был отторгнут целый район – Шарыповский. Так по прихоти краевого и республиканского руко-

* Причем кабардинцы и черкесы образовали автономную республику и область совместно с тюркоязычными балкарцами и карачаевцами, которые в свою очередь составляют генеалогическую ветвь одного дерева.

водства коренное население района было отлучено от родной культуры, а дети – от изучения хакасского языка*.

Сегодня ввиду стремительного роста национального самосознания территориальные неурядицы, связанные с расселением этносов, перекроенные во времена тоталитарного режима по принципу «разделяй и властвуй», стали очагами межнационального напряжения, создали массу проблем с сохранением национальной культуры, языка, возрождением традиций и обычаев, разорванных связей с древними корнями.

Социально-экономический фактор, являясь основным фактором социальной стратификации, ибо он – основа жизнедеятельности, существования любого социума. Однако, если социальные изменения в чистом виде затрагивают только отдельные из этих признаков, они могут протекать безболезненно. Например, по все стране у нас одинаковые социальные возможности получения квартир, оплаты труда и т.п. Вместе с тем, если социальные слои и группы выделить на основе этих признаков, как образование, психология, бытовые условия, занятость, то выяснится, что у разных наций и народностей страны эти признаки не одинаковы. Притом, по некоторым показателям обнаружится заметное различие (нередко в 2-3 и более раз) – и по производству национального дохода на душу населения, и по уровню благосостояния, и по количеству лиц с высшим образованием** и по уровню куль-

* В связи с передачей района в состав края были закрыты национальные школы, прекратилось вещание областного радио на хакасском языке, доставка областных газет и т.п.

** Например, занимая до Великой Октябрьской революции одно из ведущих мест по уровню образования, гагаузы к 70-м годам оказались на последнем месте, намного отстав по уровню образования от основных национальностей Молдавии, в т.ч. от молдаван, русских, украинцев, евреев, болгар. Так, на 1000 человек от 10 лет и старше, по переписи 1970 г., с высшим и незаконченным высшим образованием приходилось 23 молдаванина, 27 болгар, 97 русских, 160 евреев, а гагаузов всего лишь 8 человек. (См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. IV, с. 513-517.)

турного и бытового обслуживания и т.д. Правовой фактор. Если взять государственно-правовые проблемы, то можно обнаружить разнообразную градацию «статусов», «рангов», «престижа», «власти» в определении национально-государственных образований, т.е., пользуясь понятийным инструментарием социальной стратификации, можно четко ранжировать союзные республики и автономные образования по категориям, статусам, престижности и полномочиям власти.

Это непосредственно касается и судьбы этноса, «самоопределившегося» в ту или иную форму национально-государственного образования. Раскрывая кавычки в слове самоопределение, заметим, что при выборе формы национальной государственности не все нации и народности имели возможность сделать это в соответствии с волеизъявлением собственных народов. Если нации, наименованием которых названы 15 союзных республик, добровольно выбрали форму национальной государственности, то этого нельзя в полной мере сказать о наших нациях и народностях, объединившихся в форме советской автономии. Выбор тех или иных форм автономии определялся не по воле изъяснению соответствующих наций или народностей, а скорее такими факторами, как количество населения данной нации или народности, величина национальной территории и ее географического положения, уровень социально-экономического и культурного развития и т.д.

Таким образом, можно констатировать, что критерии этнической стратификации по многим параметрам не совпадают с критериями социальной стратификации. При рассмотрении содержания понятия этнической стратификации добавляется целый ряд компонентов, которые не всегда учитываются системой социальной стратификации. Так, например, этническая стратификация, на наш взгляд, включает следующие моменты, которые не обязательны при анализе методом социальной стратификации:

В-первых, нации, народности и национальные группы являются основными и крупнейшими социальными образованиями, обладающими четко выраженным самосознанием и национальной психологией;

Во-вторых, национальные интересы народов имеют первостепенное значение, и общая воля наций составляет основу общенародных и государственных интересов;

В-третьих, объективно существуют глубокие различия исторического развития, особенности национальной культуры, традиций, обычаев, вероисповедания, разные уровни социально-политической и социокультурной интеграции отдельных народов в составе общесоветской общности;

В-четвертых, фактическое положение наций и национальных групп во многом зависит от их численности, особенностей расселения и конкретной этнодемографической ситуации в районах обитания.

Ввиду чрезвычайного разнообразия условий национального существования этносов было бы нереально пытаться найти единое решение, отвечающее интересам всех наций и национальных групп. Вследствие чего, по-видимому, также, определив единую форму или модель стратификации этносов, в каждом национальном регионе для выявления «портрета» общества потребуется выработка дополнительных «стратов», учитывая специфику национальной психологии, характера, конкретную этнодемографическую ситуацию, традиции и обычаи данного этноса.

Общеизвестно, что национальный вопрос обостряется при ухудшении социально-экономических условий. Однако, как показывает отечественный и мировой опыт, причины социального плана – это только повод, а не следствие. Корни межнациональных осложнений обычно намного глубже, чем, кажется, на первый взгляд. Первопричиной ухудшения межнациональной обстановки в Нагорном Карабахе, на первый взгляд, казалось бы, явились социальные проблемы (по многим социально-экономическим показателям автономная об-

ласть уступала средним показателям союзной республики). Но экономические инъекции Совет Министров СССР в виде огромных денежных средств для исправления социально-экономических перекосов не стабилизировали обстановку в автономной области. В массовом сознании по поводу межнациональных стычек иногда рождается мысль типа «колбасы не хватило», мол с решением продовольственных и социальных проблем можно локализовать кризисы на национальной почве. Однако в Ольстере продовольственных проблем подобных нашим нет, а конфликт на межнациональной основе не локализуется. Значит, дело не только в проблемах социально-экономических. Здесь вмешивается фактор национальный, ибо как выразился Ч. Айтматов: «каждая нация стремится быть не только сытой, но и вечной». Можно сказать, что критерии социальной стратификации как «престиж», «ранг», «статус» и другие вполне применимы при анализе этносоциума*, но содержание и выводы необходимо извлекать с учетом национального фактора.

На наш взгляд, если мы хотим выявить цельный «портрет» этноколлектива или, к примеру, национальной группы, то необходимо обратиться к опыту зарубежной социологии и с учетом нашей специфики использовать их методологию, теоретические концепции по этнической стратификации.

Зарубежная социологическая наука, в начале разработав теорию социальной стратификации, затем при анализе полиэтнической среды начала также применять методологию «стратов» и в этносоциологии*. Ученые пришли к выводу,

* Под понятием «этносоциум» подразумевается устойчивая социальная национально-этническая общность, характеризующаяся единством условий жизнедеятельности людей в каких-то существенных отношениях и вследствие этого общностью культуры. В рамках данного этносоциума деятельность составляющих его групп и индивидов регулируется социальными нормами, закрепленными традицией, обычаями, верованиями и т. п., то есть это – этносоциальная общность (ЭСО) как целостная социальная система.

* Если «социология» – наука, изучающая законы становления, функционирования, развития общества в целом, социальных отношений и социальных общно-

что в полиэтническом государстве, где существует множество этносоциальных групп местного и иммигрантского происхождения, отличающихся по своему социально-экономическому положению и политическому статусу, невозможно обрисовать цельный «портрет» всего общества, базируясь только на критерии социальной стратификации. с учетом этого этносоциологи начали разрабатывать концепции социологических исследований полиэтнических обществ. В основу этнической стратификации была положена концепция доминантной группы. Она исходит из того положения, что при всем различии источников контактных ситуаций и сторон в них участвующих, характерной для них является то, что одна из контактирующих групп обычно – доминирующая, а другая – подчиненная. Западные исследователи в своих работах в этом аспекте реально отражают действительность буржуазного общества, в котором господствующие этнические образования, как правило, это нации, представляющие собой доминантную сторону, а угнетаемые нации, национальные меньшинства и этнонациональные группы – подчиненную. примером подобных контактов являются контакты коренных жителей английских и французских колонизаторов в Северной Америке, а если взять период покорения Сибири, то и аборигенов Сибири и русских колонизаторов, где коренное население подчинялось воле переселенцев из Европы. По словам известного американского исследователя этнорасовых отношений С. Либерзона, отношения подчиненности и доминантности возникают тогда, «когда группы, находящиеся в контакте, обладают различными возможностями насаждения своих изменений другой группе; одна из этих групп будет «доминантной», а другая – «подчиненной» в плане поддержания или развития соответ-

стей (См. «Краткий словарь по социологии», М., Политиздат, 1989, с. 336), то «этносоциология» призвана изучать те же законы, но через призму этнической, культурно-исторической самобытности нации, народности или этнической группы, т. е. в целом ЭСО.

ствующего окружения»¹⁴. А под доминантной группой подразумевается «коллектив (в нашем контексте – этнический коллектив – Г.К.) в рамках общества, который обладает властью, выступает как хранитель и стимулятор контролируемой системы ценностей и распределяет блага в обществе»¹⁵. Поэтому, по мнению этносоциологов, в буржуазном обществе в большинстве случаев доминантная группа использует сложившуюся систему для насаждения своих культурно-эстетических ценностей и поведенческих ориентаций, контролируя и направляя в выгодное для себя русло действие подчиненной группы через экономические отношения, политические органы и т. д., вследствие чего подчиненные группы вынуждены зачастую отказываться от своеобразных этнокультурных черт, образа жизни, обычаев и традиций.

Отношения между доминантной и подчиненной группами в американской социологии, а в последнее время и в исследованиях европейских авторов анализируются на основе современных теорий стратификации. Так, исследователи разных стран в своих рассуждениях и выводах об отношении между группами чаще оперируют четырьмя классами факторов, которые в свое время определил известный американский социолог Дж. У. Оллпорт: исторические, социально-культурные, личностные и ситуационные¹⁶. Но, как правило, все четыре фактора не встречаются, а отдается предпочтение одному-двум, в последнее время все чаще культурным и личностным, реже историческим и ситуационным, и уже совсем редко социальным. Большинство западных этносоциологов при выяснении истоков напряженности в отношении между группами, представляющих разные социокультурные системы, придерживается идеи приоритетности этнокультурных и этнопсихологических факторов над социально-экономическими. Правда, в буржуазной социологической науке в изучении этнической стратификации постоянно обращается внимание на «социальные условия», которые вызывают различные примеры стратификации – класс, статус,

власть, на сравнительные исследования с целью установления типов социальных условий, определяющих различные формы этнической стратификации»¹⁷. Однако в обществе с высоким уровнем жизни и социальной защищенности, по мнению многих исследователей, аргументы о классовом конфликте мало что объясняют в межэтнических отношениях¹⁸. И с таким выводом, если смотреть на общество развитых капиталистических стран незащоренными идеологией глазами, можно и согласиться. «Люди, принадлежащие любому из классов, отмечает исследователь проблем социальной стратификации Б. Барбер, – могут отличаться от себе подобных в плане других социальных ролей и потому что эти другие роли, по-видимому, имеют более важное значение для формирования их личности, чем их классовое положение»¹⁹. С другой стороны, нельзя закрывать глаза и на социальное неравенство этнических групп в капиталистическом обществе. Так, если сопоставить господствующее ядро американской нации и негритянского населения (не говоря уже окоренных жителях – индейцах), то обнаружится значительная разница между ними как в социальной иерархии американского общества, так и в плане распределения прав и привилегий. Эти парадоксы социальной и политической жизни буржуазного общества привели этносоциологов к разработке системы этнической стратификации.

На наш взгляд, для выяснения истинной картины в национальных регионах нашей страны необходимо оперировать всеми четырьмя факторами. Для примера опять же возьмем Закавказье. Чтобы как-то понять корни конфликтной ситуации в Нагорном Карабахе, невозможно пренебречь ни одним из четырех факторов. Ведь вопрос, кто осваивал эту горную землю – армяне или азербайджанцы – сегодня риторический, который охватывает историю древнейших времен. А также нельзя понять политическую обстановку в регионе без изучения социально-культурных, личностных и ситуационных факторов. То же самое можно сказать и о по-

ложении в Абхазии, Южной и Северной Осетии, Чечено-Ингушетии и других национальных регионах страны.

Существующие ныне в западной социологии концепции межэтнических отношений можно разделить на две основные группы: 1) концепция интеграционного развития отношений и 2) концепция их конфликтного развития. Суть концепции интеграционного развития межэтнических отношений сводится к тому, что в условиях сосуществования представителей различных этносов на территории одного и того же этнополитического организма возможна их интеграция в основное этническое образование, в котором они находятся во взаимодействии. По Шермерхорну, интеграция – это «процесс, посредством которого части или элементы общества включаются в активное и координируемое сотрудничество с имеющими место занятиями и целями доминантной группы»²⁰. По его мнению, интеграция предполагает удовлетворение вырабатываемых этническими группами принципов своего существования в рамках государства: для одних групп это может быть автономия, для других – ассимиляция или полная инкорпорация²¹. С точки зрения сегодняшнего индустриального развития политэтнических стран капиталистического мира интеграционная концепция межэтнических отношений, казалось бы, должна сработать эффективно. Если учесть, что одна из начальных ее позиций – индустриализация, научно-технический прогресс, способствуя вовлечению представителей различных этносов в единый процесс производства, активизирует их взаимодействие, ускоряет процесс структурной ассимиляции выходцев из других стран. Однако, как показывает опыт, это влияние оказалось чрезвычайно противоречивым. Даже в буржуазном обществе размыть, нивелировать национальный фактор, оказалось делом архисложным. Поэтому, многие социологи пришли к выводу, что процесс ассимиляции будет особо длительным, в то случае, если и культурные, биологические характеристики этносоциальных групп может резко отличаться

от принимающего общества (т. е. доминантной группы)²². Стремление этносоциальных групп (например, итальянцев в США, турок в ФРГ) к сохранению своей этничности дополнительное тому свидетельство. С одной стороны, сохранение своеобразных этнокультурных черт в национальной среде можно рассматривать, как стремление сохранить себя как группу в условиях дискриминационного положения и принудительной ассимиляции. С другой – благодаря сохранению национального своеобразия стимулируется рост этнического самосознания, что приводит к оживлению этнических черт в быту и культуре, хотя по теории доминантной группы меньшинство вливаясь в большинство, должна адаптироваться к нему, в том числе и в культурном плане, а в условиях господства одной группы населения над другой обязательно ведет к потере своеобразных черт подчиненной группы. Однако такая позиция интеграционистов подвергается острой критике со стороны «этнорегиональных» движений – таких как квебекские сепаратисты, кельтское движение²³, которые активно выступают за сохранение этнокультурного своеобразия франкоканадцев, возрождения кельтского языка и культуры во Франции и Великобритании.

Таким образом, концепция интеграционного развития межэтнических отношений в западной социологии имеет как своих активных приверженцев, так и ярых отрицателей. В контексте исследований этнических отношений в СССР эта концепция не могла быть применима, ибо в национальной политике нашего государства с самого зарождения не была заложена идея доминантности и подчиненности. Главный лозунг – равенство всех наций и народностей – ни теоретически, ни практически не давал повод для такой концепции в научном анализе. Но на практике, если объективно взглянуть на историю, то можно обнаружить негласные зачатки доминантности. Советологи, анализируя национальные отношения в СССР, давно использовали концепцию доминантной группы в своих исследованиях. Разумеется, нельзя согла-

ситься со многими их рассуждениями и выводами, но то, что они без идеологических рогаток выявили некоторые наши «болячки» в межнациональных отношениях и указали на существование скрытой формы доминантности, необходимо признать.

Так, социолог Б. Мейсснер, довольно трезво анализируя советскую концепцию нации и право на самоопределение, отмечает, что сталинская идея о постепенном исчезновении наций в ходе перехода от капитализма к социализму позволило Сталину обосновать главенствующую роль русского народа с идеологической основой советского патриотизма, а в условиях федеративной структуры советского многонационального государства советский патриотизм приобрел характер имперского патриотизма. «Если Ленин, – пишет Б. Мейсснер, – последовательно боролся против великодержавного национализма, считал его более страшной угрозой партийной линии, чем национализм нерусских народов, то Сталин имел на этот счет противоположное мнение, когда начал проводить борьбу за абсолютное превосходство. С 1934 года советский патриотизм стал составной частью советской идеологии, а национализм нерусских народов стал считаться самой большой опасностью, хотя многие из них пытались сохранить свою национальную целостность»²⁴. По мнению ученого, после второй мировой войны термины «великий русский народ», «старший брат» с легкой руки Сталина стали активно внедряться в сознание масс. Хрущев русификаторскую политику Сталина не пресек, а XXI и XXII съезды партии стали, по мнению исследователя, идеологической основой русификации²⁵. Такой трактовкой согласиться трудно. Однако Б. Мейсснер прав в том, что после принятия новой Программы партии началось резкое сокращение учебных программ на национальных языках, активно проводилась работа по переводу национальных школ на русскую программу обучения. Вследствие чего во многих национальных регионах Сибири преподавание на родном языке прекратилось.

Так, например, в Бурятской АССР осталось считанное количество школ с обучением на бурятском языке. В Хакасии, если в 1958/59 учебном году насчитывалось 77 национальных школ, в том числе 49 начальных, 20 семилетних и 8 средних, то к 1965 году количество их планировалось сократить до 60²⁶. Последствия скрытой доминантности (в какие бы идеологические «тоги» их не наряжали) для культуры малочисленных народов Сибири оказались катастрофическими. Сегодня угроза исчезновения языков, нивелирования культур малочисленных народов стали реальностью.

С нашей точки зрения одной из главных причин такого положения следует признать советскую форму интеграционного развития межнациональных отношений. Ввиду того, что концепция доминантности и подчиненности в советской социологии официально не признавалась, соответственно она не нашла отражения ни в политике, ни в науке. Однако теория постепенного слияния наций, приоритетное начало в преподавании русского языка над национальным (родным), жесткая централизация всей политической, экономической, хозяйственной жизни, нивелирование своеобразия уклада жизни народов под единую систему, на наш взгляд, создали благодатную почву для возникновения советской формы (или типа) интеграционного развития межэтнических отношений. И оттого, что мы его, как и теорию стратификаций, не признавали, отнюдь не говорит, что к нашей действительности концепция интеграционного развития не применима, что социалистической системе она не присуща. Корни многих напряженностей межнациональных отношений, возникающих в разных регионах нашей страны, а также в Югославии, Болгарии, Румынии, необходимо искать в имперских амбициях доминантности. В Болгарии, например, это проявилось в отношении к болгарским мусульманам, Румынии – национальным группам венгров, Югославии – албанскому меньшинству и т.д. В СССР концепция доминантности и подчиненности проявляется не только между, например, рус-

скими и малочисленными народами Сибири, но и в союзных республиках: между грузинами и абхазцами, молдаванами и гагаузами, узбеками и проживающими в республике таджиками т.д. При этом истоки возникновения, формы проявления могут быть различными и варьироваться в зависимости от обстоятельств. Так, в Молдавии обучение на гагаузском языке было прекращено в январе 1961 года, также было свернуто изучение родного языка как предмета и заменено молдавским языком²⁷. Тем самым гагаузам, составляющим 3,5 % населения союзной республики*, доминантной нацией насильно навязывалось изучение его языка. В Узбекистане насаждение своих культурных ценностей доминантной группой приобрело иную окраску. Живя в Узбекистане таджики все больше изолируются и удаляются от своих исторических и культурных корней; их тревога состоит в том, что власть держащие в республике насильственными методами «передельывают» таджиков в узбеков. Например, по мнению жителей Самарканда, численность таджиков, включая первую всеобщую перепись населения Российской империи 1897 г., никогда не опускалась ниже 60%²⁸. Это в целом подтвердила и перепись 1920 г., согласно которой узбеки составляли 4% от общего населения традиционно многонационального города. Но перепись, проводившаяся в 1926 г., уже через два года, после того как Самарканд стал столицей Узбекской ССР, поставила все с ног на голову. Согласно данным этнографов, сегодня в Самарканде лишь у 19% граждан таджикской национальности имеются паспорта с записью о таджикской национальности. В городе численно преобладают таджики, политически доминируют узбеки. В Самарканде среди 57 школ нет ни одной школы с таджикским языком преподавания²⁹. У таджиков нет доступа к своей национальной культуре, к ее развитию и сохранению. Классика и произведения

* По данным переписи населения в республике проживало 138 тыс. гагаузов. (См.: Что делать в поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР. М., 1989. с. 232).

современных авторов не издаются, демонстрация фильмов на таджикском не практикуется, областные газеты на таджикском языке не издаются, ретрансляция передач Душанбинского телевидения практически не осуществляется³⁰.

Как видно из приведенных фактов, практика межнациональных отношений в СССР дает разнообразные примеры, когда в рамках одного общества господствующая группа, обладая властью, выступает как хранитель и стимулятор контролируемой системы ценностей. Поэтому при анализе межнациональных отношений необходимо постоянно помнить и учитывать взаимоотношения этносов, выявлять их доминантность, что позволит в системе этнической стратификации найти их статус, ранг и занимаемую нишу.

Концепции интеграционного развития межэтнических отношений в настоящее время не является господствующей в западной социологии, что в определенной мере связано с обострением национального вопроса в капиталистических странах, подвергшем сомнению возможность такой перспективы (бесконфликтной интеграции) в буржуазном обществе. Поэтому эту концепцию зачастую используют наряду с другими, в частности, концепцией конфликтного состояния межэтнических отношений.

Суть концепции конфликтного развития межэтнических отношений сводится к следующему: она в анализе исходит стремления различных этносоциальных групп занять одни и те же ниши деловой активности, завладеть одними и теми же недостающими ресурсами, осуществлять контроль над средствами достижения поставленных целей³¹. По С. Либерзну, уже само положение той или иной этнической группы в политическом обществе является важным источником конфликта³². В многонациональном государстве, какими являются почти все государства мира, нации и этнические группы так или отличаются по своему социально-экономическому положению и политическому статусу. Говоря о том, что само положение этнической группы в обществе

является источником конфликта и, принимая эту аксиому, западные социологи обращают внимание на неравномерность положения в нем различных групп, т.е. на присутствие опять-таки доминантности и подчиненности. Однако западные ученые, по мнению авторов книги «Буржуазные концепции национальных отношений в развитых капиталистических странах», в определенной мере, фиксируя ее наличие, соглашались с фактом неравенства как условия существования конфликта, не показывая ее социальной природы. Он, по мнению зарубежных социологов, свойственен природе человека и проявляется тогда, когда, упрощенно говоря, появляются два претендента на одно и то же место, предмет и т.д.³³. Согласно теории «силового конфликта», конфликтологи между группами возникает тогда, когда одна из них претендует на то, что имеет другой, т.е. добивается идентичности, престижа, равноправия и т.д. Вследствие чего все этнические группы, пребывая под постоянным давлением господствующего большинства или, наоборот, подчиненного меньшинства, находятся в боевой позиции, борясь за свою жизнь, свою идентичность, за свой престиж. Концепция конфликтного состояния, тем самым, помогает четче выявить причины конфликтных ситуаций при этнических конфликтах.

Так, например, у нас в стране можно выделить две формы межэтнической напряженности – открытую и скрытую. Что касается открытой формы напряженности, то она, будучи связана с насилием, обнаруживается невооруженным глазом и требует оперативного вмешательства властей, армии, милиции. (Например, межнациональная напряженность между армянами и азербайджанцами, между узбеками и турками-месхитинцами, между киргизами и узбеками и т.д.). Но существует не менее опасная, скрытая, тлеющая межэтническая напряженность. Она скорее характерна для национальных регионов проживания малочисленных народов, таких как Север, Сибирь и Дальний Восток, где кроме Тувы, коренное население составляет относительно меньшинство во

всех национальных регионах. Здесь для примера приведем лишь часть причин, вызывающих межнациональную напряженность. Это – 1) уменьшение доли коренного населения в национальном регионе за счет мощного миграционного потока. (Так, вследствие механического прироста населения Хакасии, Бурятии, Якутии, Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого и других автономных образований катастрофически снижается удельный вес коренного населения); 2) волюнтаризм регионального планирования развития народного хозяйства и вторжение «большой индустрии» в районы традиционного ведения хозяйства (при полном игнорировании векового уклада жизни, традиций коренных жителей); 3) просчеты в культурной и языковой политике (курс на слияний и народностей, забвение национальных традиций, обычаев, верований, свертывание преподавание на родном языке и т.п.); 4) пропорций представленности различных этносов в административных органах управления, когда число руководителей во всех сферах адекватно процентному соотношению коренного населения в автономиях (причем такой подход обоюдно задевал национальное самочувствие и интересы контактирующих этносов); 5) идеологический пресс на интернационализацию, подавление любых проявлений национального под прикрытием ярлыка «националиста»; 6) разделение народов по категориям, рангам в соответствии их численности, распределение наций на великие и малые, на старших и младших.

Как известно, тлеющий костер может вспыхнуть в любой момент. Поэтому опасность скрытой межнациональной напряженности заключается в том, что ее трудно предугадать, а еще сложнее локализовать. Здесь недостаточно силовых мер в виде комендантского часа или уговоров на благоразумие, ибо она исподволь разобщает людей, ржа недоверия распространяется постепенно, заражая самосознание и чувства индивидов или этносов. Скрытая форма межэтнической (национальной) напряженности приводит к неожиданным

агрессивным вспышкам или чаще – к фрустрации – психологическому состоянию безысходности и отчаяния. И как следствие – состояния фрустрации, апатия к жизни, выражающиеся в стремлении уйти от реальной действительности с помощью алкоголя, наркотиков.

Причем причина скрытой формы межнациональной напряженности может исходить не только от «подчиненной» группы, но и доминантной. Так, в массовом сознании среди русского населения, проживающего в национальных регионах Сибири, можно заметить, например, недовольство «неблагодарными инородцами», которых вытащили из грязных чумов, научили грамоте и другим премудростям современной цивилизации, а теперь они вместо благодарности выказывают свои обиды. Среди самих же инородцев растет недовольство «старшим братом» – русскими, которые, в своем лице олицетворяя весь Союз, постоянно навязывают свой образ жизни, свои ценности, при этом часто игнорируя национальные особенности, традиции, своеобразие культуры инородцев.

В условиях нашей многонациональной страны концепция конфликтного состояния межэтнических отношений наблюдается во всех национальных регионах, а особенно в тех республиках и автономиях, где волей исторической судьбы два и более коренного народа (например, армяне и азербайджанцы в Нагорном Карабахе, абхазцы и грузины в Абхазии, гагаузы и молдаване в Молдавии). Однако трудно разрешимые конфликтные ситуации постоянно возникают в тех регионах, где два этноса, самоопределившись в ту или иную автономии, живут под одной «крышей». В Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской АССР и Карачаево-Черкесской автономной области долгие годы скрытая, а в годы перестройки открытая межэтническая конфликтная ситуация. Например, назначение на руководящую должность республиканского или областного уровня представителя одного из народов, другим воспринималось как ущемление

равноправия, престижа народа. Поэтому, дабы соблюсти идентичность в положении народов образовавших автономию, часто на высшие партийные и государственные посты на местах назначались (или выбирались) представители других народов (чаще русские) и характерно то, что такое решение приводило к консенсусу. И такая ситуация возникает в любой сфере социальной, политической и культурной жизни этих этносов, а не только в борьбе за власть. Впрочем, конфронтацию между этническими группами и народами за равноправие, идентичность социально-политического и культурного положения можно выявить в любом национальном регионе страны. По сути, конфликтные ситуации связаны с престижем, властью, статусом и т.д., четко прослеживаются, например, и в автономиях Южной Сибири. Только здесь они чаще проявляются между доминантной и «подчиненной» группами. Если в Хакасии и Горном Алтае в роли доминантной стороны выступает русскоязычное население, то в Туве – коренное. Однако закономерность действия концепции конфликтной ситуации от этого не меняется. О чем красноречиво свидетельствуют события в Прибалтике, где конфронтация между коренными прибалтами и русскоязычным меньшинством приобретает угрожающие взрывоопасные формы.

Таким образом, концепция конфликтной ситуации вполне применима для исследования межэтнических контактов у нас в стране. Используя понятийный аппарат теории стратификаций можно наглядно выявить состояние межнациональных отношений, факторы, вызывающие напряженность. А верно поставив диагноз межэтнических конфликтов, есть возможность найти оптимальные пути локализации обстановки.

В контексте нашего исследования представляет интерес взгляд зарубежных этносоциологов и культурологов на состояние культур при этнических контактах и политику буржуазных государств в сфере национальных отношений.

В сфере национальных отношений буржуазных и социалистических государств при схожести многих проблем есть одно кардинальное отличие. Оно заключается в том, что социализм и расизм не совместимы. Ликвидация расовой дискриминации в странах социализма – огромное достижение современной цивилизации. В странах же капитала, не говоря уже о ЮАР, даже таких как США, Канада, Австралия, до сих пор существует расовая дискриминация, о чем свидетельствуют современные исследования западных ученых и положение аборигенов и темнокожих граждан развитых капиталистических стран*. В результате упорной борьбы «цветных» американцев против расово-национальной дискриминации за последние 10-15 лет наблюдается повышение образовательного уровня аборигенов Северной Америки. Вместе с тем индейцы США удерживают «лидерство» по масштабам отсева детей из школы. В среднем их дети в школе учатся пять с половиной лет. Только 17,6% индейцев, по данным, проведенным на слушаниях в конгрессе США, заканчивают среднюю школу³⁴.

В 50-х годах политика правительства США в отношении индейцев определялась двумя направлениями – «терминацией» и «релокацией». Политика «терминации» закрепленная в ряде законодательных актов, означала отказ федерального правительства от опеки над индейцами и передача их в ведение административных штатов. Эта передача губительно сказалась на жизни многих индейских племен. В целом в результате «терминации» индейцы потеряли 1,5 млн. акров земли, 11,5 тысяч человек были согнаны со своих участков³⁵. Параллельно с «терминацией» осуществлялась «Ре-

* См., например, национальные меньшинства и иммигранты в современном капиталистическом мире. Киев, 1984; Роуз Ф. Аборигены Австралии. Традиционное общество. М., Прогресс, 1989; Проблемы национальных отношений в современном западном мире. М., Наука, 1989; Стельмах В.Г., Тишков В.А., Чешко С.В., Тропую слез и надежд: книга о современных индейцах США и Канады. М., Мысль, 1990 и др.

локация», т.е. переселение индейских семей из бедствующих резерваций в промышленные центры. Индейцы же «релокацию» оценивали как форму «культурного геноцида», «новый тактический ход в длящемся уже многие века наступлении на индейское общество», средство их насильственной американизации³⁶. Однако, как считают исследователи, как и «терминация», «релокация» закончилась провалом: сталкиваясь с жесточайшей дискриминацией, более 1/3 переселенных вернулись в резервации, остальные прозябают в индейских гетто, крупных городов³⁷. Уже в начале 60-х годов администрация Дж. Кеннеди была вынуждена отказаться от «индейского» законодательства 50-х годов. По данным переписи США (1980 г.), большая часть индейцев – приблизительно 55,2% – по-прежнему проживают на территории 26 резерваций* общей площадью 52 млн. акров³⁸. По более свежим данным в настоящее время в США существует 267 федеральных, созданных правительством страны и 24 штатных, т.е. созданных legislatures отдельных штатов, индейских резерваций. Они представляют собой особую категорию земель, формально являющихся собственностью соответствующей общины и находящихся под управлением ее совета. отчуждение или продажа земель невозможны без санкции совета общины, обязательно подтвержденной федеральным правительством. В резервациях живет около 750 тысяч индейцев³⁹.

В Канаде, согласно официальной статистике, проживает 303 тысячи индейцев и 19 тысяч эскимосов*. Число индейцев фактически вдвое больше, ибо канадское законодательство делит их на две неравные категории – «зарегистрированных», т. е. официально признанных и «незарегистрированных». Основанием для такого деления служит действующий

* По другим данным 28 резерваций. (См.: Расы и народы. М., 1982, с. 228).

* Последняя перепись 1981 г. фиксировала четыре основные группы коренного населения: зарегистрированные, или статусные, индейцы (320 тыс.), метисы 990 тыс.), нестатусные индейцы (64,5 тыс.) и эскимосы (15 тыс.). (См.: Стельмах В. Г., Тишков В. А., Чешко С. В. Указ.соч., с. 53).

появились «Индейский акт» 1876 года⁴⁰, который является концентрированным выражением правительственной политики расового угнетения. По этому документу индейцы объявлены «подопечными» государства, они лишены самоуправления и целиком представлены заботам местной и центральной администрации, возглавляемой Департаментом по делам индейцев. Материальные условия жизни 80% коренного населения Канады ниже официального уровня бедности, две пятых из них живут на пособие⁴¹. Труд аборигенов на капиталистическом рынке оплачивается, как правило, ниже, чем труд других канадцев. Зарплата рабочих эскимосов на 50% ниже зарплаты белых рабочих. Средняя продолжительность жизни индейцев к началу 80-х годов составила 34 года, а смертность значительно превышает средний уровень⁴².

Начиная с 70-х годов в Канаде повсеместно зазвучал голос коренных жителей, выступающих с требованием предоставить им право на самоуправление, о необходимости сохранения самобытности их народов, их языков, культуры. Движение аборигенов ставит перед собой задачу – возрождения культурного наследия, сохранения и развития этнической общности аборигенов в современных условиях. Один из лидеров индейского движения г. Кардинал писал: «У индейцев есть свои стремления, надежды и мечты, но стать белым человеком не является их мечтой»⁴³.

Из вышеизложенного видно, что, с одной стороны, в Северной Америке, ввиду дискриминационной политики доминантной (господствующей) группы, весьма остро стоит проблема существования аборигенного населения, с другой – социальное и политическое неравенство, обострившее конфликтное развитие, стимулирует рост этнического самосознания. В поиске путей решения сложных этнических конфликтов, сохранения самобытных этносов и их культур социологи и культурологи совместно с правительственными кругами разрабатывают новые подходы сосуществования культур.

Одна из традиционных форм – сохранение индейских резерваций в США и Канаде*. Резервации индейцев Северной Америки являются в какой-то мере заповедниками старой Америки, где сохраняются национальный уклад, традиции, язык и культура аборигенов, где властвуют законы предков. Казалось бы резервации – это лучшая форма для сохранения национальной культуры. Однако, как показывает опыт, изоляция от процессов цивилизации также ущербна для этнонациональной культуры, как и насильственное приобщение к современной цивилизации. Индейцы, покинувшие пределы резерваций, не могут приспособиться к законам современного цивилизованного мира, уровень их культурного развития, деловых навыков не позволяют занять более высокие ниши в иерархии социальной структуры общества.

Опыт резерваций свидетельствует, с одной стороны, что с наступлением современной цивилизации, нарастанием процессов интернационализации общественной жизни в глобальном масштабе, можно сохранить этнонациональную культуру, традиции, обычаи и язык. С другой – представители того или иного этноса, сохраняя ценности своеобразной культуры и языка для мировой культуры, обрекают себя на доцивилованный образ жизни, лишаются социальных, культурных благ, вырабатываемых цивилизацией.

Очевидно, при всей привлекательности резервационная форма сохранения национальной культуры – это не лучший способ существования этносов в современном мире. Ущербность резервационной формы видится прежде всего в том, что она, во-первых, искусственно изолируется от внешнего мира, превращая обитателей резерваций в своего рода экспонатов этнопарка. А диалектика жизни не терпит застоя, му-

* Например, в 1980 году в Канаде насчитывалось 572 индейской общины, являющиеся основными этническими ячейками. Они сосредоточены в 2242 резервациях, где находится половина всех зарегистрированных индейцев. (См.: Стельмах В. Г., Тишков В. А., Чешко С. В. Тропой слез и надежд: книга о современных индейцах США и Канады. М., Мысль, 1990. с. 55).

зейной рутины. Во-вторых, культура, не имея внешней подпитки, развивается внутриутробно, что также ведет к застою.

Между тем у этой формы есть и свои плюсы. Не создай американцы и канадцы резерваций, вряд ли сегодня мировая культура могла воочию иметь жизненный уклад, неповторимую культуру, язык аборигенов Северной Америки. Культуру и язык индейцев ожидала бы та же участь, которая постигла многие народы Европы, Южной Америки, Африки и Азии, под натиском цивилизации растворившихся, ассимилировавшихся в среде крупных этносов. Не миновала такая участь и многих этносов. О судьбе растаявших в небытие не полагалось раньше говорить^{*}, а о судьбе, подошедших к границе небытия народов Севера во всеуслышание заговорили только в годы перестройки.

На наш взгляд, при рассмотрении проблем межнациональных отношений в нашей стране необходимо использовать ценный опыт, накопленный резервационной формой существования этносов, конечно, с учетом особенностей социалистического уклада малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока. По сути в применении этого опыта сделан первый шаг платформой КПСС «Национальная политика партии в современных условиях», декларирующей необходимость предоставить Советам народных депутатов автономных округов на своей территории исключительного права на хозяйственное освоение, на создание заповедных зон в целях восстановления и сохранения мест проживания малочисленных народов⁴⁴. Вместе с тем, создав заповедные зоны в целях восстановления и сохранения мест проживания, и помятуя о горьких уроках североамериканских индейцев, нельзя, видимо, народам изолироваться от внешнего мира, от многообразного социокультурного организма общества.

^{*} Так, если по переписи 1926 г. было определено 194 народности, то по переписи 1939 г. зафиксировано менее 100 национальностей, т.е. за 13 лет с лица земли исчезла половина национальностей СССР. (См.: Бромлей Ю.В. Национальные процессы в СССР, с. 23).

Только во взаимосвязи, взаимодействии и взаимообогащении лежит путь полнокровного развития национальных культур.

В полиэтнических обществах развитых капиталистических стран началась переоценка ценностей и подходов в развитии и взаимодействии национальных культур. Вследствие чего в последние годы стала популярна концепция многокультурности. В Канаде, например, в начале 70-х годов многокультурность получила статус официальной политики. Принципы канадской политики многокультурности были сформулированы и оглашены главой правительства 8 октября 1971 года. «Политика многокультурности в рамках болингвизма, – заявил он, – привлекает внимание правительства как наиболее приемлемое средство обеспечения свободы культуры для канадцев. Такая политика должна помочь уничтожить дискриминационные взгляды и неверие к культуре друг друга. Национальное единство... должно основываться на уверенности в собственной индивидуальной идентичности, из этого может вырасти уважение к идентичности других и желание разделить их идеи, отношения и подходы ... Она может послужить базой для общества, основанного на справедливости для всех»⁴⁵.

Не менее интересен австралийский вариант теории культурного плюрализма, выдвинутый А. Грэссби во второй половине 70-х годов. Пересмотр концепции национальных отношений в Австралии, как и большинстве полиэтнических странах капитализма, начался в 60-70 гг. По мнению А. Грэссби, в Австралии именно в эти годы происходит процесс становления многокультурности общества, которое состоит из основополагающих демократических норм и специфически австралийских ценностей, частично базирующейся на сохранении и развитии множества отдельных, этнических культур⁴⁶.

Как видим, в полиэтнических странах мира ведется поиск сосуществования разномастных этнических культур. Происходит стыковка разнообразных национальных культур,

в разных вариантах их объединение. Но в силу дискриминационных традиций прошлого, разнеуровневого состояния культур и их носителей, пока оптимальных путей развития культур этнического меньшинства не найдено.

Благодаря теории стратификации зарубежные культурологи выявили уровень развития культуры той или иной этнической группы, определили социальную ступеньку носителей культуры в иерархической нише общества. Однако перспективы развития культуры сразу подвергаются жесточайшей критике, вследствие чего мнения ученых о путях развития этнических культур весьма различны.

Таким образом, рассмотрев основные концепции изучения этносоциальных общностей, применяемых западными этносоциологами, культурологами при анализе этносоциумов и их культур, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, методология и методика системы этнической стратификации позволяет:

- широко использовать прогрессивные методы исследования – методы измерения, экспериментирования и моделирования;

- выявить систему признаков и критериев социального расслоения, неравенства в обществе, этносоциальную структуру общества, элементы этой структуры, особенности их строения и закономерности функционирования;

- используя страты («ранг», «статус», «власть» и др.), определить иерархические ниши в национально-государственном устройстве, а также положение тех или иных этносов в советском обществе, т.е. их доминантность и подчиненность или, скажем мягче, лидерство и ведомость. В соответствии с положением состояние их национальной культуры, ее функционирование и перспективы выживания и развития.

Здесь же для наглядности осветим лишь один из аспектов этой многогранной проблемы. Возьмем для примера структуру художественной культуры наций, самоопреде-

лившихся в две формы советской государственности, – союзную и автономную республики (к примеру, Эстонскую ССР и Татарскую АССР).

Если рассмотреть структуру их национальных культур, то обнаружится, что в сложной и разветвленной структуре художественной культуры многомиллионного татарского народа нет такого вида искусства как кинематография, а эстонский народ (1,02 млн. чел.) имеет развитые виды и жанры киноискусства. Для несведущего человека такое положение покажется странным: или татары не способны к созданию этого вида искусства, или нет у народа потребности к обогащению духовного мира с помощью кинематографа, вследствие чего в республике не создается киностудия. Оказывается дело вовсе не в потребностях и интересах духовного обогащения народа и не в количестве носителей языка и культуры того или иного народа, а просто-напросто в статусе, ранге республики. Именно ранг автономной республики по существу догматическим установкам не позволяет создание кинематографа татарскому народу.

Как видно из приведенного примера, проблемы национально-государственного строительства непосредственно связываются и отражаются и в культуре.

Во-вторых, система этнической стратификации вполне применима, с учетом некоторых особенностей, для анализа этносоциальных общностей в любой социалистической стране, тем более в такой многонациональной стране, как СССР.

Очертив теоретико-методологические аспекты социальной и этнической стратификации, попытаемся в дальнейшем использовать методологию этой теории для анализа политического, социально-экономического и культурного развития малочисленных народов Сибири.

Все, что происходит в нашей стране, нужно рассматривать не изолированно, а в контексте мировых этносоциальных процессов. Надо признать, долгие годы, ведя бесплодные атаки на зарубежные теории исследования общества,

проблем, связанных с изучением культуры, наше общество-ведение отстало не менее значительно, чем в области технической.

Сегодня общая тенденция развития человечества во всех сферах жизни – переход от экстенсивного развития, ориентирующегося на количественные показатели, к интенсивному, ориентирующемуся на качественные показатели, многообразии жизни, бережливое отношение к природным и человеческим ресурсам. На Западе эти проблемы были осознаны намного раньше, чем у нас в стране. Этот переход от экстенсивного к интенсивному развитию означает во всех сферах жизни повышение ценности индивидуальности, в том числе этнической. Как справедливо отмечает И. С. Кон, что «ситуация, когда отступить уже некуда, обостряет чувство «малой родины» и национального самосознания, причеи у малых народов это происходит раньше и острее, чем у больших, господствующих наций. Эта тенденция является всемирной»⁴⁷.

Как отмечалось выше, реализация идей перестройки обусловлена возрастанием роли человеческого фактора: человек и только он является условием, средством и целью общественного развития как многогранного комплексного процесса. Социальная установка на активизацию человеческого фактора, связанная прежде всего с духовной стороной деятельности людей, их идейно-нравственной и политической зрелостью, интеллектуальным уровнем, с одной стороны, предполагает воспитание самого человека на принципах гуманизма, формирование внутренней потребности в активной творческой деятельности, с другой – удовлетворение интересов и потребностей личности и через них найти пути стимулирования человеческой жизнедеятельности. Индивид живущий в неоднородном обществе, с необходимостью принадлежит к тому или иному его структурному подразделению – классу, социальному слою, группе, соотносит себя к какой-либо национальности, национальной культуре и др., а

также занимает внутри них определенное место назвать его социальным статусом. Такой статус не является чем-то неизменным: за время жизни человек постоянно описывает сложную траекторию в многомерном пространстве общественных отношений. Исходя из вышеизложенного понимания категории потребностей, можно сказать, что социальный статус составляет предмет особой объективной потребности, которая, хотя и не всегда осознается людьми, существенно влияет на их мысли и поведение. Принадлежность к социальной общности (этносу) дает человеку уверенность, ощущение стоящей за ним силы, своей связи с общественным целым (нацией, народностью). Неопределенность же или неустойчивость такого статуса обычно вызывает дискомфорт, напряженное состояние. Отсюда возникают распространенные стремления определить, утвердить или повысить свой социальный статус, представляющие собой одну из форм выражения соответствующей потребности.

Одной из форм сознания потребности в социальном статусе является стремление к равенству. Оно вырастает из констатации различий в общественном положении людей и понимания того, что, благодаря определенному статусу, они могут без других оснований получать привилегии или терпеть лишения. Или, например, будучи представителем того или иного народа, индивид чувствует ущемление тех или иных социальных или политических прав, ощущает игнорирование его национального языка, культуры, пренебрежение к традициям народа, вероисповеданию, образу жизни. Что, соответственно, вызывает конфликтную ситуацию в межнациональных отношениях, т.е. появляется стремление различных этнонациональных групп занять одни и те же ниши в обществе, пользоваться равными правами и возможностями.

По мнению американского культуролога Леонарда Брума системы «стратификации» действуют потому, что определенные виды поведения в одном слое считаются более одобряемыми, чем в другом, равно как и потому, что стату-

сы людей в системе слоев не только располагаются, но и оцениваются дифференцировано. «Поскольку мы, – пишет он, исходим из предположения, что в любой действующей системе существуют корреляции между ценностями и поведением, с одной стороны, и системой стратификации – с другой, перед нами встает проблема установления степени согласованности между ценностями, раздаваемыми внутри отдельных социальных слоев и задачами, возлагаемыми на эти слои»⁴⁸.

Если мы возьмем ЭСО как социальный организм, то в любой нации можно выделить слои разного уровня, основанные на различии отношения их членов к средствам производства (классы), слои, обусловленные общественным разделением труда (социально-профессиональные), по сходству стадий жизненного цикла (семейные, половозрастные) и слои, связанные единством целенаправленной жизнедеятельности (организация, трудовые коллективы). И если бы у каждого статистически различимого слоя имелась весьма четко определяемая культурная подсистема (субкультура), то человек, принадлежащий к тому или иному слою, знал бы, что от него требуется и каковы истинные альтернативы, стоящие перед ним.

Отсюда следует, что в любой этносоциальной общности сегодня можно обнаружить слои, имеющие разные интеллектуальные и культурные уровни, т.е. люди, принадлежащие к одному этносу, впитавшие соки национальной культуры, в силу социально-профессиональной, общественно-политической и др. подготовки и ориентации, имеют разные интересы и потребности, что позволяет рассматривать их дифференцировано.

Однако, если культурная система не характеризует действенным и реалистическим образом роли и соответствующие им виды поведения, то, по мнению Л. Брума, в обществе возможен внутренний разлад⁴⁹. Например, как отмечалось выше, индивид, защищенный «поясом» традиционной куль-

туры, окунувшись в сложный современный мир культуры, оказывается не в состоянии адаптироваться в мозаике современной культуры. Иными словами, ввиду того, что происходит отчуждение от индивида от культуры, он оказывается в конфликтной ситуации с социально-культурной обстановкой.

Можно остановиться и на других примерах, но останется та же. Долгие годы наше обществоведение исходило из концепции, что социально однородном советском обществе не остается места культурной дифференциации. Опираясь на познание законов общественного развития, на творческие возможности народных масс, человек социалистического общества с уверенностью смотрит в будущее, а общество ставит своей основной целью раскрепощение сущностных сил человека, создание наиболее благоприятных возможностей для осуществления способности проявлять их в отношении высших ценностей в соответствии с идеалами коммунизма. Отсюда формулировались и критерии в определении ценностей и ценностных ориентаций.

В связи с пересмотром идеологических концепций, новым подходом к обновлению социализма, которая может иметь альтернативу, т.е. и другие пути развития, ибо многовариантность обусловлена своеобразием исторических, национальных, культурных традиций каждого народа, требуется корректировка системы ценностей и ценностных ориентаций.

Система социалистических ценностей также многообразна, как и сама социальная действительность. Она включает в себя явления природы, общества, мир чувств и переживаний человека. «Ценностное отношение человека, – считает Е. Ф. Сулимов, – складывается из оценки факторов и поступков в соответствии с этой оценкой, из ценностных ориентаций и адекватного им поведения»⁵⁰. Вклад человека в ценности современного мира может быть различным, поскольку зависит, с одной стороны, от конкретно-исторических, социальных, национально-культурных, т.е. объективных условий,

в которых человек живет и действует. С другой стороны, зависит от субъективных качеств личности: способностей, навыков, умений, имеющих социально-всеобщее значение. Не умаляя значимость фундаментальных ценностей социализма как труд, мир и другие, остановимся на роли духовных ценностей, которые регулируют отношения в обществе путем накопления и передачи общественного опыта и приобщения к нему каждого индивида.

С одной стороны, духовные ценности способствуют социальному развитию общества в целом, с другой – воздействуют на сознание и чувства отдельного человека, подвергая их корректировке.

Духовные ценности включают в себя этические, эстетические, научные ценности, а также идеалы, желаемые образцы и нормы поведения. К примеру, рассмотрим: какое место отводится в системе социальных ценностей образованию. Рассматривая его как ценность, подразумеваем такое образование, которое концентрирует в себе все элементы обучения и воспитания и способствует сохранению общества, его дальнейшему развитию. Образование направлено, прежде всего, на то, чтобы способствовать всестороннему гармоничному развитию человека, а это предполагает не только сообщение определенного объема знаний, но и осуществления функций воспитания. В свою очередь воспитание можно считать эффективным только тогда, когда ценности социализма стали ценностными ориентациями личности, ее внутренним убеждениям. Задача воспитания, а наш взгляд, состоит, прежде всего, в целенаправленном воздействии общества на личность, в формировании ее потребностей и интересов, отвечающих требованиям общества.

Ценностные ориентации личности многообразны и зависят, с одной стороны, от широты присвоенных личностью ценностей, с другой – от степени усвоения этих ценностей. Степень осознания, как адекватность соотношения ценностей общества и ценностных ориентаций личности, может

быть различной. В зависимости от того, насколько та или другая ценность стала внутренней потребностью личности, ее устойчивым интересом, можно определить усвоение личностью тех или иных ценностей.

Вместе с тем, как показал опыт социалистического строительства, не все ценностные ориентации оказались верны и реально осуществимы. Так, объективной предпосылкой формирования ценностных ориентаций социализма была общественная собственность на средства производства, формирование у трудящихся чувства коллективного хозяина. Однако при наличии общественной собственности на средства производства и политической власти (по крайней мере декларированной власти), Чувства хозяина производства, колхоза, страны так и не удалось выработать, ибо это чувство противоречило самому естеству человека, перешагнувшего первоначальную формацию, который прежде всего думает о себе, свое семье, а потом уже от благополучия семьи может произойти превращение «моего» частнособственнического в «наше», общее. Законы, принятые Верховным Советом СССР, о его землепользовании, о собственности, переход к рынку подтверждают, что требуется пересмотр в отношении собственности. Народу, свершившему социалистическую революцию, так до конца не освоившему свое новое положение верховного собственника всего общественного богатства, потребуется заново переосмыслить и осваивать и экономически, и политически, и психологически, отказываясь от коллективистского сознания и поведения, чувство истинного хозяина земли, фабрики и т.д. Соответственно потребуются переоценка ценностей, ценностных ориентаций. Вследствие ошибочных концепций казарменного социализма какая-то часть системы ценностей пришла в противоречие с обновляющимся социальным строем, что требует корреляции между ценностями и поведением индивидов, социальных групп и слоев.

Таким образом, пользуясь понятийным аппаратом системы стратификации, применив его методологию, можно стратифицировать не только все общество или состояние ЭСО, но также показать связь между частью и целым; единичным, общим и всеобщим; возможностью и действительностью и т.д. В то же время, используя теорию стратификации через индивида, его потребности, интересы и ценностные ориентации, можно проследить развитие духовного потенциала личности, являющихся необходимым условием активизации человеческого фактора.

Известно, что культурные ценности, отражая уровни общественной жизни людей, их потребности, выступают регуляторами человеческой деятельности. Эта регуляция осуществляется через широкую систему норм, требований, предписаний, таких, например, как общественное мнение, традиции, мораль, право и т.д. Усвоение существующих ценностей и норм культуры является необходимым условием адаптации человека к определенной среде, к обществу в целом. Уровень развития человека, качество общественной жизни определяются мерой достигнутого прогресса культурной жизни, потенциальными возможностями и условиями для ее дальнейшего развития. Отсюда, если мы, стратифицировав ту или иную этносоциальную общность, обрисуем её «портрет», определим структуру культуры этноса, уровень ее развития, то из общего можно вычлениить и частичное, единичное, т.е. уровень культурного развития самой личности.

Как пишет М. Мамардашвили, «главная страсть человека – это быть, исполниться, состояться. А без форм и изначальных надиндивидуальных устоев ... человек отбрасывается в сферу исторического бессилья и взрывоопасной «немоготы» ...⁵¹. А культура, по его мнению, – это, прежде всего духовное здоровье нации, и поэтому надо в первую очередь думать о том, чтобы не нанести ей такие повреждения, последствия которых были бы необратимы⁵². А одним из испытанных способов ее сохранения является использование «за-

кона названности собственным именем, закон именованности»⁵³, т.е. правдивого отражения функционирования и развития культуры. Без окликаний и явлений по имени нет и места, где, например, могла бы быть память, и мог бы быть смысл того, что случилось, что произошло или происходит на самом деле. У того, у кого этого нет, нет и будущего. «Единственный шанс, – отмечает он, иметь будущее, а он же и шанс стать людьми – это именуя, выносить наружу и осознавать беды и несчастья, а не загонять их во внутрь, где они начинают двигаться и развиваться иррациональными, стихийными и патогенными путями... Вот почему я говорю, что называние, именование вещей – один из первых актов культурного строительства. И духовного здоровья нации...»⁵⁴. То есть, культура каждого народа не безродна, имеет свои истоки, корни. Чтобы понять сегодняшнее состояние культуры того или иного народа, необходимо знать, откуда есть, пошла она. Но прежде необходимо, отталкиваясь от мыслей М. Мамардашвили, заметить, что в анализе истоков культуры народов Южной Сибири нами применен принцип историзма в исследовании, ибо, по нашему убеждению, исторический подход является исключительно плодотворным для выяснения сущности культуры в ее соотнесенности с человеческой природой, для понимания закономерностей их взаимодействия и развития. Историзм четко высвечивает и философский ракурс осмысления человеческого фактора в сфере материальных и духовных ценностей культуры. «Лишь перерабатывая вековой опыт размышления над природой человека, ставя и решая экзистенциальные проблемы в контексте современной культуры и реальной действительности, философия сможет выполнить свою особую, лишь на нее возложенную миссию по исследованию современного человеческого фактора и тем самым оказать существенную помощь в решении возникающих здесь практических проблем»⁵⁵.

Таким образом, обобщая размышления о системе стратификаций, можно констатировать, что применение теории

стратификаций, как этнической, так и социальной, советской обществоведческой науке позволит:

Во-первых, расширить и углубить методологию и разработать новые методики исследования общества;

– раздвинуть рамки теоретических изысканий в философии и культурологии;

– установить устойчивые связи с другими научными дисциплинами;

– обогатить инструментарий научного познания.

Во-вторых, пользуясь методикой и методологией стратификаций, дифференцированно рассмотреть национальную культуру того или иного этноса, его структуру, социальные аспекты функционирования, материальные, социальные и политические факторы, влияющие на творческий процесс; характеристику публики как потребителя культуры, их интересы, потребности, вкусы, мотивы приобщения к культуре, ориентации на те или иные формы.

В-третьих, выявить характерные черты и тенденции культурного развития, влияния на него различных социально-экономических, политических, правовых и других факторов.

В-четвертых, пользуясь различными социологическими методами исследования (опросы, интервью, анкетирование, контент-анализ и т.п.) изучать общественное мнение, отражающее отношение общественности (ЭСО) к событиям культурной жизни.

В-пятых: всесторонне исследовать роль человеческого фактора во многих областях общественной жизни.

Можно выделить и другие возможности теории стратификации (например, помогающие решению практических задач воспитания, образования, организация досуга, налаживания культурно-просветительской работы и т.п.), но, по-видимому, из изложенного можно заключить, что теория стратификации позволяет исследовать любые явления и со-

бытия, служащие характерными проявлениями той или иной национальной культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. A Dictionary of Sciences, Gould J. and Kolb W.L. (ets.) London, Tavistock Publications, 1964.
2. Lieberman S. Stratification and ethnic groups // Sociological inquiry. – 1961. – № 40. – P. 172.
3. Dictionary of Sociology, ed by Faurehild H.P.Ph.D.Li. D. Philosophical Library. New York, 1944. – P. 293.
4. Рывкина Р. В. Советская социология и теория социальной стратификации // Постигжение. Перестройка: гласность, демократия, социализм. – М.: Прогресс, 1989. – С. 24.
5. Там же. С. 25.
6. Tumin M.M. Some Principles of Stratification: A Critical Analysis. – American Sociological Review. – 1953. – Vol. 18. – P. 387.
7. Рывкина Р. В. Указ. соч., с. 32.
8. Философский энциклопедический словарь. С. 636.
9. Краткий словарь по социологии. – М.: Политиздат, 1989. – С. 391.
10. Рывкина Р. В. Указ. соч. С. 30.
11. Народонаселение стран мира: справочник. – М., 1984. – С. 413.
12. Экономическая социология и перестройка. – М., 1989. – С. 73.
13. Там же, с. 74.
14. Lieberman S. A Societal theory of race and ethnic relations // American Sociological Review. – 1961. – Vol. 86. – № 6. – P. 904.
15. Schermerhorn R.A. Comparative ethnic relations. A framework for theory and research. – Chicago; London: The Univ. of Chicago press, 1978. – P. 23.

16. Allport G.W. The nature of prejudice. – Cambridge: Addison – Wesley, 1954. – P. 13.
17. Newman W. Theoretical perspectives for the analysis of social pluralism // The Canadian ethnic mosaic. A quest for identity / Ed. Driedger L. – Toronto: Mellenland and Stewart, 1978. – P. 49.
18. Там же.
19. Barber B. Social stratification. – New York; Harcourt, Brace, 1957. – P. 317.
20. Schermerhorn R.A. Op. cit., p.66.
21. Там же. С. 82.
22. Warner W.L., Srole L. The social systems of American ethnic groups. – Westport (Can.); Greenwood press, 1976. – P. 284-285.
23. Leifer E.M. Competing models of political mobilization: the role of ethnic ties // American journal Sociology. – 1981. – Vol. 87, № 1. – P. 25.
24. Meissner B. The Soviet concept of nation and the right of national journal. Toronto. – 1976. – 77. – V. XXXII, № 1. – P. 61.
25. Там же.
26. Очерки истории Хакасии советского периода: 1917-1961 годы. – Абакан, 1963. – С. 319-320.
27. Что делать? В поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР. – М., 1989. – С. 233.
28. Там же. С. 213.
29. Там же. С. 214.
30. Там же. С. 214-215.
31. Understanding minority – dominant relations. – Sociological contributions / Ed. By Sames D. F. – Arlington Heights: АНМ, 1979. – P. 70.
32. Liberson S. Stratification and ethnic groups. – P. 175.
33. Шлепаков А. Н. Буржуазные концепции национальных отношений в развитых капиталистиче-

- ских странах / А. Н. Шлепаков, В. Б. Евтух, О. В. Шампур. – Киев: Наук. думка, 1988. – С. 65.
34. Indian education – oversight. Hearing: H.R.U.S. Congress. Washington, 1978. – pt. 1. – P. 148.
 35. Johonsen B. Maestas P. Wasichu. The continuing Indian Wars. New York; London, 1979. – P. 32.
 36. Hagan W. American Indians. – Chicago, 1979. – P. 165.
 37. Там же. С. 165.
 38. U.S. New and World Report. – 1983. May 25. – P. 70.
 39. Стельмах В. Г. Тропую слез и надежд: книга о современных индейцах США и Канады / В. Г. Стельмах, В. А. Тишков, С. В. Чешко. – М.: Мысль, 1990. – С. 44-45.
 40. Национальные меньшинства и иммигранты в современном капиталистическом мире. – Киев: Наук. думка, 1984. – С. 141.
 41. Советская этнография. – 1978. – № 14. – С. 135.
 42. Национальные меньшинства и иммигранты в современном капиталистическом мире. – С. 146.
 43. Cardinal H. The unjust society: the tragedy of Canada s Indian / Ed. by I.L. Elliott. – Scarborough, 1971. – P. 135.
 44. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 19-20 сентября 1989 года. – М.: Политиздат, 1989. – С. 228.
 45. The Toronto Star. – 1971. Dec. 1.
 46. Galbally F. Migrant services and programs. – Canberra: ACYPS, 1978. – P. 21.
 47. Вопросы философии. – 1988. – № 9. – С. 63.
 48. Социология сегодня: проблемы и перспективы. Американская буржуазная социология середины XX века: сокр. пер. с англ. – М.: Прогресс, 1966. – С. 490.
 49. Там же.
 50. Сулимов Е. Ф. Теория и практика коммунистического воспитания. – М., 1984. – С. 111.
 51. Мамардашвили Мераб. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1990. – С. 180.
 52. Там же.
 53. Там же. С. 181.

54. Там же. С. 182.

55. Повышать культуру философского мышления // Вопросы философии. – 1988. – № 10. – С. 7.

ФОТОДОКУМЕНТЫ

Первая работа – проявщик на Абаканской студии телевидения, 1962 г.

В командировке. Котожеков Г. второй справа.

*Г. Г. Котжеков в роли связиста в фильме «Сердце друга»
по повести Э. Казакевича,
режиссеров Юрия Григорьева и Рениты Григорьевой, 1965 г.*

*Гавриил в роли охотника Маганакова
в художественном фильме «О чем молчала тайга»,
режиссер А. Курочкин, 1966 г.*

*Главный редактор национальной газеты
«Ленин чолы», 1986 г.*

*Приезд М.С. Горбачева в Хакасскую автономную область,
1989 г.*

И в кабинете и на производстве, 1992 г.

*Чазы чирде чуртапчам,
Чатхан хаиып хайлапчам;
Хорым чирде чуртапчам
Хомыс хаиып ырлапчам*

Хакасские народные тахпахи / сост. М.А. Унгвицкая,
отв. ред. М.Н. Чебодаев. Абакан, 1980. С. 43.

**28 июня 1996 г. I Международный симпозиум
«Чатхан: история и современность».
Выездная лаборатория ХакНИИЯЛИ.**

*Гавриил Гаврилович с аспирантами
22 июня 1997 г.*

*V Курултай тюркских государств и народов
12 июня 1997 г. г. Стамбул.*

*Лицо обветренное камня
ладонью робкой приласкать
Молчат степные изваянья.
Молчат ...
Им есть о чем молчать*

Н. Ахнашева

Салбыкский курган

*1997 г. Коллектив ХакНИИЯЛИ
(1-й ряд, слева В.Ф. Котожекова и Г.Г. Котожеков 4-й).*

